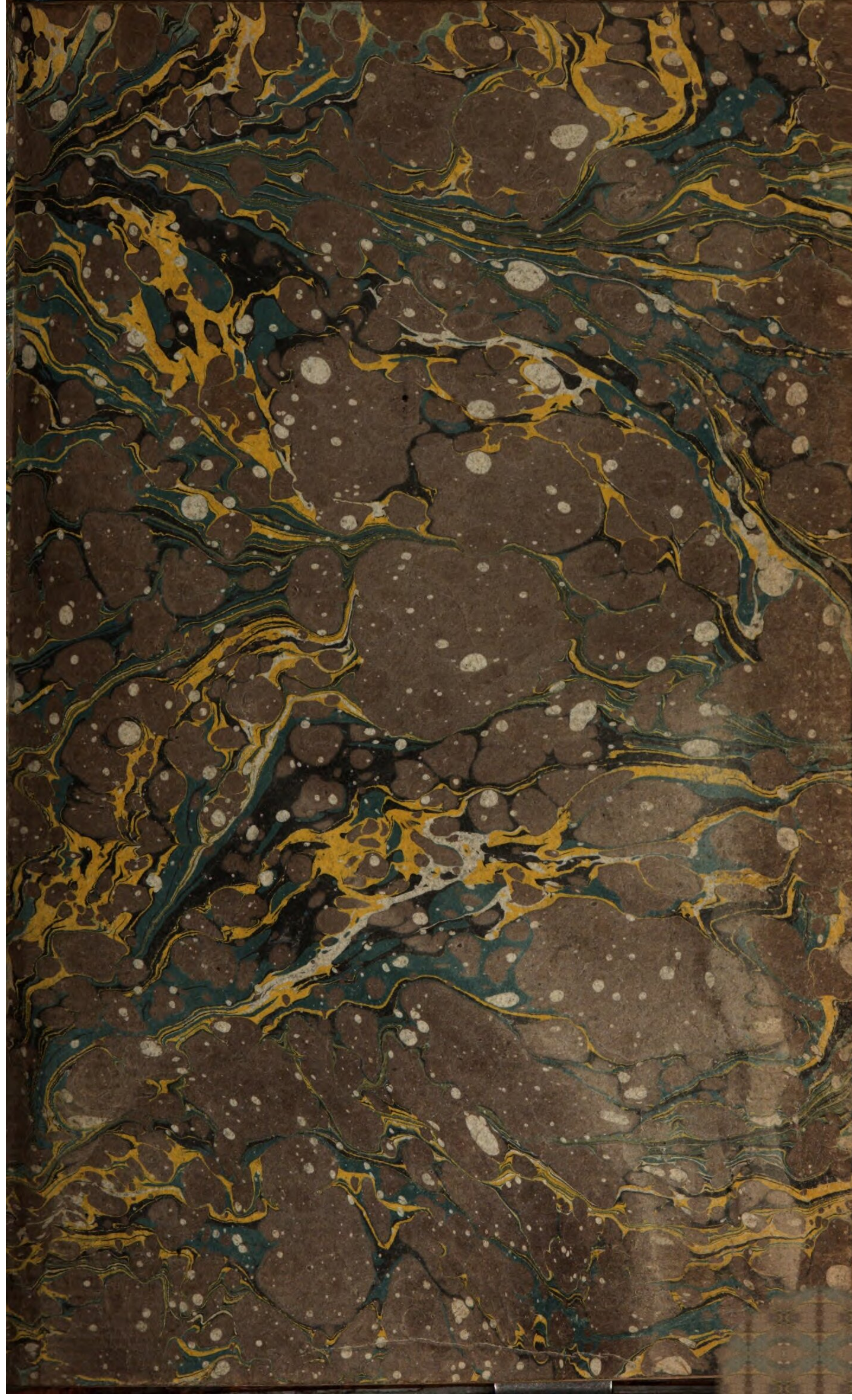

Russ.

289

212

Russ. 289 $\leq$ (2

ТВЕРДОСТЬ ДУХА
РУССКИХЪ.

*И стѣны, казни, все, и даже самый дымъ
Жилищъ Отческихъ, я въ сердцѣ чту святымъ!*

Крюковской.

ТВЕРДОСТЬ ДУХА РУССКИХЪ.

ГАВРІИЛЪ ГЕРАКОВЪ.

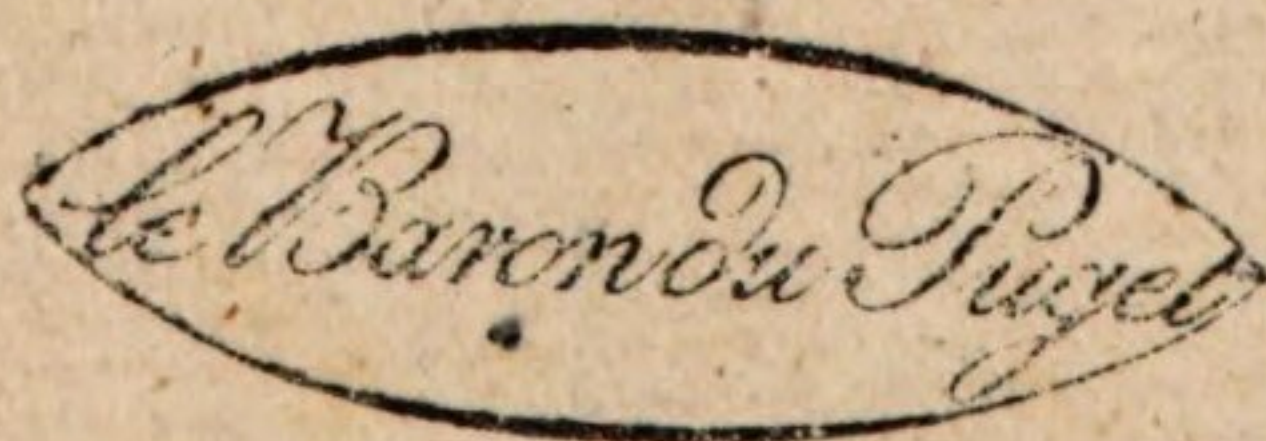
КНИЖКА ВТОРАЯ.

*Кто любитъ Государя своего и Отечество,
тотъ готовъ и можетъ достигнуть безсмер-
тной славы.*

ПЕТРОГРАДЪ.

Въ Типографіи Военнаго Министерства.

1813 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чѣобы по напечатаніи до выпуска
изъ Типографіи представлены были въ Цен-
зурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги
для Цензурнаго Комитета, другой для Депар-
тамента Министерства Просвѣщенія, два эк-
земпляра для Императорской публичной Би-
бліотеки и одинъ для Императорской Акаде-
міи Наукъ. Маія 13 дня 1812 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Ив. Тилковский.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ КНИЖКИ.

	Стран.
Энгельгардъ 1812	1.
Черноевицъ и Габбе	4.
Григорій Писаревъ	6.
Молодой Желябужскій	10.
Пожарскій, Мишинъ, Патріархъ Гермо- генъ, Смоленскій Дворянинъ Фило- софовъ и Русскіе	14.
Героини Славянскаго поколѣнія	31.
Ростиславъ Захаровъ при Бородинѣ 1812	52.
Евграфъ Петровицъ Батуриинъ сконча- лся отставнымъ Полковникомъ въ С. П. 1812	55.
Харитоновъ 1812	66.
Багговутъ	68.
Остерманъ при ПЕТРѢ Великомъ	71.
Князь Меншиковъ всегда славный, а въ ссылкѣ великій теловѣкъ	73.
Священникъ Васильковскій, 1812	139.
Петръ Александровицъ Румянцовъ съ Русскими при Кагулѣ, 1770	141.
Русскіе подъ начальствомъ Героя Гра- фа Витгенштейна, спасителя Пе- трова града, 1812	153.

	Стран.
<i>Кузьминъ при ЕКАТЕРИНѢ II. 1788.</i>	156.
<i>Герои Русскіе, подъ предводительствомъ славнаго и безстрашнаго Князя Ба- гратіона, 1812</i>	160.
<i>Прекрасная Барсукова и ПЕТРЪ Ве- ликій</i>	162.
<i>Прибавленіе</i>	166.

ЭНГЕЛЬГАРТЪ.

1812.

Большею частію люди кропкіе вмѣща-
ють въ себѣ души великія. Энгельгартъ
принадлежитъ къ оному числу; обстоя-
тельствва принудили его выйти въ оп-
ставку Подполковникомъ. Хотя ему и со-
рока лѣтъ не было отъ рожденія, но онъ
и въ деревнѣ былъ полезенъ своему Опе-
честву, удобряя землю, держа въ долж-
номъ порядкѣ своихъ крестьянъ; улучши-
вая же ихъ состояніе, пріобрѣлъ любовь до-
брыхъ мужиковъ. Онъ не былъ обогащенъ
обширными познаніями, но языкъ его все-
гда говорилъ то, что сердце чувствовало;
и сей великій мужъ любилъ Опече-
ство болѣе всего, преданъ былъ Государю
своему всѣмъ существомъ своимъ; и сію
любовь къ Опечеству, и сію преданность
къ Помазаннику Божію предъ вселенною
доказалъ, которая не престанетъ удив-
ляться твердости Энгельгарта и неслы-
ханнымъ злодѣяніямъ Бонапарте и его
Французовъ.

Часть II.

I

Смоленскъ послѣ кровопролитной битвы въ рукахъ Французовъ; жители прежде сего произвольно оставили городъ; большая часть дворянъ Смоленской Губерніи оставили свои помѣстья. Ангельгартъ рѣшился остаться, говоря: я сберегу можетъ быть и деревню свою и деревни сосѣдей моихъ отъ хищничества лютыхъ враговъ, и испреблю съ моими крестьянами множество изъ разбойнической шайки Бонапарте. Онъ выполнилъ слова свои; много пало Французовъ подъ сильною его рукою, и подъ руками его крестьянъ; но многочисленность враговъ остановила подвиги Ангельгарта; онъ схваченъ, обремененъ тяжкими оковами, вверженъ въ тюрьму. — Дано знать начальнику Французовъ Бонапартию, который назвавъ Ангельгарта злодѣемъ, велѣлъ судить и распрѣлять его. Ведущъ великаго челоука по улицамъ Смоленскимъ, опягченнаго огромными цѣпями; боясь взглядовъ его Французы; онъ передъ судомъ, на вопросъ, по чему онъ такъ поступалъ, отвѣчалъ неустрашимо: я Руской, и исполнялъ долгъ свой; мы всѣ должны сражаться со врагомъ, который дерзнулъ, безъ

„объявленія войны нарушишь наше спокой-
 „ствіе и спокойствіе нашего Государя.
 „Больно мнѣ, что оковы препятствуютъ
 „въ сіе мгновеніе показать вамъ, что я не
 „по пустому ношу имя Рускаго.“ Сказавъ
 сіи слова, спокойно ожидалъ рѣшенія
 судьбы своей. Посаженъ опять въ пем-
 ницу, гдѣ и написалъ духовное завѣща-
 ніе свое. Вскорѣ прочтенъ приговоръ
 беспрашному Ангельгарпу; всѣ содро-
 нулись при словѣ *разстрѣлять*; одинъ без-
 смертный Ангельгарпъ съ душевнымъ по-
 коемъ, безъ перемѣны въ лицѣ, говоришь
 Французамъ: „Вы ошибаетесь, думая по-
 „работишь Россію; я вамъ предсказываю
 „гибель вашу, и благодарю Бога, что уми-
 „раю за Отечество.“ Выговоривъ, пошелъ
 на мѣсто казни, и не далъ завязать себѣ
 глаза; но гордо обрапилъ взоры свои на
 ружья; — мигъ, и палъ великій чело-
 вѣкъ бездыханенъ, но душа его ликуетъ съ
 Несозданнымъ.

Даже Французы, въ злодѣйствахъ за-
 коснѣлые, не могли не изъявить своего
 сожалѣнія; а мы Россіяне, да прольемъ
 слезы горести въ память великаго чело-

вѣка, и да сохранимъ имя его на всегда
въ душахъ нашихъ.

ЧЕРНОЕВИЧЪ и ГАББЕ.

1812.

Бѣлоруссія занята уже была злодѣями
Французами, и по приказанію Бонапарте
начали Генералы Французскіе приводить
къ присягѣ слабодушныхъ; но мало на-
шли и шаковыхъ. Нѣкоторые Поляки при-
верженные къ Французамъ, желая угодить
имъ, дали знать, гдѣ скрылись два дво-
рянина, прежде жившіе съ семействами
своими въ Шкловѣ, Черноевичъ и Габбе
Эспляндскій помѣщикъ. Опысканы не-
счастныя жертвы, и предсданы къ
Генералу Французскому, начальствующе-
му въ Могилевѣ. Генераль Французскій про-
силъ, уговаривалъ ихъ присягнуть на под-
данство Бонапартию; но Черноевичъ и
Габбе не уклонились отъ присяги, данной
Государю своему АЛЕКСАНДРУ I.
Имъ угрожаютъ, они пребывающъ твер-

ды въ благородныхъ чувствованіяхъ, и говоряпъ, что никакія мученія не заставляпъ ихъ быпъ не Русскими. Генераль Французскій ожесточась, приспавиль къ труди Габбе псполепъ, приказывая присягнуть извергу Бонапартію; но ничто не можетъ поколебать Русскаго, переспать быпъ не Русскимъ; Габбе, яко вѣрный сынъ Опечества и Государя своего, опвѣчалъ спокойно: „за Опечество и „Государя жертвую не шокмо жизнию „своею, но жизнию моего семейства; мы „всѣ въ рукахъ вашихъ; дѣлайте, что „вамъ угодно; но не мечпайте, чтобъ „я измѣнилъ своей присягѣ.“ За сей благородный опвѣтъ, за непоколебимость любви своего Опечества и Государя, и Габбе и Черноевича посадили въ мрачную темницу, откуда послѣ великихъ томленій они освобождены Парпизаномъ Капитаномъ Сеславинымъ. Благодареніе Всевышнему, что Французское воспитаніе, распроспранившееся по Россіи, еще не имѣло сподько силъ, чтобъ опвлечъ Россіянъ опъ любви къ своей родинѣ и опъ вѣрности къ своему Государю!

даго; и еще, чѣмъ узнать, что сол-
дапъ долженъ знать и что долженъ
дѣлать.

Такимъ образомъ Петръ служа по
обѣимъ службамъ, повышался чинами, и
въ 1709 году дослужился до Генераль-
Маіора, а по флоту до Шаупбенахша.
По сему послѣднему чину присудство-
валъ онъ и въ Адмиралтейской Коллегіи,
и какъ Шаупбенахшъ, сидя на своемъ по-
чину мѣстѣ, давалъ по очереди свой
голосъ.

Въ одинъ день бывъ на работахъ въ
Адмиралтействѣ, разсерженъ неисправ-
ностію корабельныхъ масперовъ, полный
досады, входитъ въ Адмиралтейскую Кол-
легію, и не говоря ни слова, сѣлъ на свое
Шаупбенахшское мѣсто; когда же Про-
куроръ Коллегіи Писаревъ предложилъ
одно дѣло къ слушанію, и Государь на-
чалъ первый разсуждать, Писаревъ обо-
ропясь къ Государю, сказалъ: не вамъ,
господинъ Шаупбенахшъ, должно начи-
нать; есть моложе васъ; а закономъ
Государевымъ повелѣно, подавать голоса
съ младшаго члена. Монархъ бывъ уже
въ гнѣвѣ, говоритъ: *какъ ты смѣешь мнѣ*

сказать! Смѣю по должности моей, которая приказываетъ мнѣ сохранятьъ порядокъ законовъ. Знаешь ли ты, съ кѣмъ такъ говоришь? — Съ Шаупбенахтомъ. Ты позабылъ, что за такую дерзость можешь потерять голову. О! это уже голосъ Государевъ; а когда шакъ, на что жъ гатерсповатъ и шупитъ успановленіями своими? Оставъ сіе мѣсто и сядь на свое, (указывая на мѣсто Государево) тогда спану передъ побою на колѣна, буду записывать всѣ твои слова, и почищать ихъ за Имянные Указы Государевы, которому я обязанъ безпрекословно повиноваться, присягою, со ѣспію и закономъ Божіимъ; но и тогда не успрашусь сказать правды! Государь пылалъ гнѣвомъ. Прокурорскія слова, казалось ему тогда, слишкомъ были дерзки; дрожащимъ голосомъ закричавъ: молчи дерзкой! вспалъ со спула, схватилъ шляпу, вышелъ изъ присудствія, сѣлъ въ одночку и поѣхалъ во Дворецъ. Писаревъ продолжалъ разсуждать о дѣлахъ, какъ будто бы съ нимъ ничего не случилось.

Государыня увидѣвъ ѣдущаго Петра, вышла его встрѣтить; но замѣшивъ, что

Онъ въ великомъ гнѣвѣ, съ нѣжноспію спросила: что съ Тобою сдѣлалось, Государь? *Бездѣльникъ Писаревъ одурачилъ и осрамилъ меня.* Боже мой! опвѣспіво-вала ЕКАТЕРИНА, онъ уже не разъ оскорбляетъ Васъ; для чего же Вы не оплучите его опъ присупспвія Вашего? Вы пѣмъ избавите себя досадъ, копорыхъ опъ дерзости его и впредъ ожидапъ должно; онъ можетъ быпъ полезнымъ Вамъ и Опечеспву, служа и не передъ лицомъ Вашимъ. *Не могу, не могу сего я сдѣлатъ, Катинька! Для чего не можешь? Ты Государь! Не могу, повторяю тебѣ; онъ мнѣ надобенъ, онъ всегда говоритъ правду, а сверхъ того, изгнавъ Писарева, могъ бы я тѣмъ устрашить говоритъ мнѣ истинну.* Государи паковыми должны быпъ; ПЕТРЪ единспвенъ.

Вскорѣ ПЕТРЪ Великій помирился съ Писаревымъ, всегда содержалъ его въ Своей милоспи и возвысилъ въ спепенъ Сенапора.

Всѣ знаютъ великихъ людей Греціи, Рима и другихъ народовъ. Писаревъ Русской, мало кому извѣспенъ и изъ Русскихъ. *Такъ случается на свѣтѣ!*

МОЛОДЫЙ ЖЕЛЯБУЖСКИЙ.

Съ какимъ душевнымъ удовольствіемъ читаетъ каждый благовоспитанный юноша исторію Мація Торквата, того Римлянина, который будучи ненавидимъ, презрѣнъ родителемъ своимъ, любилъ его по долгу природы и по склонности чувствъ своихъ, и приносилъ ежедневно мольбы Всевышнему, да обратитъ его къ нему! Отецъ, справедливый Диктаторъ въ Римѣ, строгій блюститель порядка, непоколебимый въ законахъ истины, въ законахъ Римской республики, пресупилъ долгъ родительскій пропивъ сына своего, великаго по духу и повиновенію. Сей юноша изгнанъ изъ дому родительскаго единственно для того, что былъ косноязыченъ и некрасивъ наружностию, а по тому и не могъ служить украшеніемъ надменнаго начальника Римскаго. Облеченный въ одежду невольника, съ заступомъ въ рукахъ, въ пошъ лица, удовлетворяетъ своимъ необходимымъ нуждамъ, не ропщетъ на судьбу свою.

Отецъ кончилъ время правленія своего; многіе восстаютъ пропивъ него; первый

и злѣйшій Маркъ Помпоній, народный Трибунъ, обвиняетъ его въ чрезвычайной спрогоспи и неправдѣ; между прочими доказательствами приводитъ и поступокъ съ Манліемъ Торкватомъ, роднымъ сыномъ его; смѣненный Дикшаторъ не можетъ защититься и долженъ понести наказаніе; но вдругъ дѣло получило другой оборотъ.

Торкватъ узнаетъ въ деревнѣ, гдѣ онъ жилъ, о опасности угрожающей родителю его, воспламеняется гнѣвомъ прошивъ главнаго обвинителя. Онъ уже въ Римѣ, въ домѣ Помпонія; орудіе смерти у груди Трибуна: *Клянись, злодѣй, говоришь Торкватъ, что ты остановишь свой искъ, огорчающій сына—меня, или я . . .* . . . Помпоній клялся. Но едва явился на площади Римской, хочетъ измѣнить своему слову; Сенатъ Римской и народъ были великодушнѣе сего низкодушнаго; прощенъ отецъ, восхваленъ сынъ, и остался какъ симъ поступкомъ, такъ и другими, незабвенъ въ исторіи.

Прекрасное дѣйствіе Римлянина! но въ нижеслѣдующихъ спрокахъ читатель найдетъ дѣяніе превосходнѣе сего.

Спосльникъ Желябужскій пресступилъ долгъ свой пропивъ Бога, Государя и Опечесива, а по тому Императоромъ Петромъ Великимъ осужденъ на смерть;—пощады нѣтъ.

Сынъ несчастнаго Желябужскаго, въ цвѣтъ первыхъ лѣтъ своихъ, когда жизнь начинаетъ утѣшать человека, когда чувства развиваясь, заспаваютъ наслаждаться пріятностями, свойственными невинности, когда лишь проразумѣлъ великое, чудесное бытіе свое, долженъ былъ испытать наигорчайшія бѣдствія. Достойный сей Россіянинъ видитъ безчестіе матери, сестръ, братьевъ; слышитъ, гдѣ онъ ни явился: вопль сынъ злодѣя! Всѣ чуждаются; безъ ужасу ни кто не можетъ взиравъ на родъ Желябужскихъ; презрѣніе гонитъ его вездѣ; тягостна ему таковая жизнь; смерть есть предѣлъ мученій; онъ повинуется року; онъ хочетъ днями своими жертвовать семейству и имени Желябужскихъ; онъ знаетъ великость души своего Государя, знаетъ Петра; находитъ Его, падаетъ предъ Нимъ, и съ благоговѣніемъ, съ разперзаннымъ сердцемъ говоритъ:

„Правосудный Государь! родитель мой
 „виновенъ, онъ достоинъ понести тысячу
 „смертей; но онъ родитель семейства;
 „онъ позорною кончиною своею вовле-
 „четъ мать съ дѣтьми и всѣхъ родныхъ
 „въ вѣчность, посрамленныхъ уже до-
 „стойною укоризною отъ согражданъ.
 „Монархъ! Ты всемогущъ облегчишь долю
 „несчастныхъ; повели предать казни
 „меня, вмѣсто отца моего; я безъ со-
 „дроганія, безъ ропота умру, и Ты, ска-
 „жешь въ послѣдствіи, внимая гласу
 „природы, остался справедливъ, а я, уми-
 „рая, избавлю на всегда кровныхъ и
 „потомство оныхъ отъ поносной жиз-
 „ни.“ ПЕТРЪ внялъ, и пронутый до слезъ
 сыновнею горячностью, поднявъ Желябуж-
 скаго, говорилъ: „Ты долженъ жить и
 „украшать собою свѣтъ. Я не казню
 „отца твоего за рожденіе таковаго сы-
 „на, каковъ ты, и возвращаю его тебѣ
 „и семейству вашему; тебя же жалую
 „званіемъ и мѣстомъ его; надѣюсь, что
 „исполнишь должность свою лучше от-
 „ца твоего.“

Князь скажетъ, что сей поступокъ
 Россіянина не превосходитъ Манлія Тор-

квапа? Сей, славу безсмертнуну имѣлъ въ предметѣ, плаща за зло добромъ; Желбужскій же шель на то: или жизньнню своею жертвуня, возвратишь семейству опца, или погибнуть вмѣстѣ съ родителемъ, и неперезишь безславія. Онъ зналъ также и Петра, который проспилъ опца, уважая сына, и симъ доставилъ Россіи добродѣтельного подданнаго; самъ же заслужилъ отъ современниковъ благословеніе и вѣчную славу въ потомствѣ.

ПОЖАРСКІЙ, МИНИНЪ,
ПАТРИАРХЪ ТЕРМОГЕНЪ, СМОЛЕНСКОЙ ДВО-
РЯНИНЪ ФИЛОСОФОВЪ И РУССКІЕ.
1612.

Величественная Россія, взирающая осанистымъ окомъ на всѣ Державы, дающая законы седьмой части суши всея поверхности земнаго шара, имѣла также свой несчастный періодъ въ исторіи. Было время, когда златый ея престоль колебался, былъ празденъ; когда и она величавою главою поникла долу; когда звѣнѣли цѣпи на прекрасныхъ дѣвахъ ея;

когда преспарѣлые Россіяне изпоргались изъ объятій ближнихъ, ввергаемы были въ мрачныя подземельныя шемницы, гдѣ рвали посребренные власы свои, били себя въ перси, выпускали жалостныя вопли, оплакивая плѣнь свой, и видя мать свою Россію въ изнеможеніи.

Было время, когда Новгородъ, потѣ Великій Новгородъ, первенецъ велелѣпія и славы Опечесѣва нашего, наводившій древле страхъ сосѣдамъ, подвергшись злобѣ хищниковъ, сваяспѣ кляпѣвъ презирающихъ, и подпавъ насиліямъ Шведскаго полководца Графа де ла Гарди (*), принялъ его узаконенія, и принужденнымъ себя нашель присягнутьъ яко Царю своему, Карлу Филиппу, сыну Шведскаго Короля.

(*) 1609 года Февраля 18 дня, въ городѣ Выборгѣ былъ заключенъ оборонительный и наступательный трактатъ между Царемъ и Великимъ Княземъ Россійскимъ Васиіемъ Іоанновичемъ Шуйскимъ и Карломъ IX Шведскимъ Королемъ, чрезъ Россійскаго Стольника и Воеводу Семена Васильевича Головина съ товарищи, и Шведскимъ Полномочнымъ Воеводою Юріемъ Боемъ. Помощь Шведская Россіи вредомъ послужила.

Было время, когда Москва, столицею красотою определенная, плавающая въ крови своей, просила себѣ въ Цари Владислава сына Сигизмунда III Польскаго Короля. Поляки предводительствуемые Гетманомъ Желковскимъ, завладевъ Москвою, предали ее огню и мечу. Тогда начались злодѣянія, мученія всякаго рода, убійства, грабежи, пожары: съ другой стороны самозванцы раздирали Россію. Къ большому несчастію, между Московскими Боярами не было согласія и помышленія о благѣ общемъ.

Несчастливая Россія, со всѣхъ сторонъ внѣшними и внутренними врагами перзаемая, клонилась къ своему паденію; казалась бытъ при концѣ своея гибели. Но нѣтъ; Превѣчный, судьбою царствъ управляющій, не попустилъ свой народъ на пагубу: въ сердцѣ Россіи возникаетъ человекъ, душа котораго рождена на дѣла великія, который ревнуетъ о спасеніи любезнаго ему Отечеству. О Мининъ говорю я. Такъ, Россіяне! сей Нижняго Новгорода купецъ, раздираемый во глубинѣ души своею бѣдствіями соотечественниковъ, собираетъ своихъ согражданъ,

природнымъ краснорѣчіемъ, пвердымъ, важнымъ голосомъ увѣщеваютъ ихъ вступиться за погибающее Опечесство, проливаютъ испочники слезъ, яко сынъ Россіи; увѣщеваютъ, да соберутъ войски, а для содержанія оныхъ продали бы свои имущества, и естли воспослѣдуетъ нужда, да заложатъ женъ и дѣтей: симъ усердіемъ исполняютъ долгъ истинныхъ Россіянъ. Творецъ руководилъ Минина; онъ первый полагаетъ на площади сокровища свои, готовъ иппи съ безспрашіемъ пропивъ измѣнниковъ. Добродѣтельный его подвигъ воспаменяетъ души соотчичей; всѣ единогласно согласились по примѣру Минина вступить за Опечесство и жертвовать оному имѣніемъ и жизнию.

Россія сыскала прямыхъ себѣ сыновъ, которые мужественно пропивъ ея враговъ ополчились. Войско собрано, приуготовлена нарочитая сумма денегъ, но дѣло рашное невѣдомо было Минину; по чему съ совѣта общаго ѣдетъ просить Князя Пожарскаго, да вступитъ въ сіе великое дѣло, и да предводителствуетъ войсками. Представъ предъ него лице къ лицу, со слезами говорилъ Мининъ: *вступись,*

Князь, за погибающее Отечество; спаси оное, повелюю тебе, ты можешь спасти. — Добродетельный Князь жилъ тогда въ помѣстьяхъ своихъ во 120 верстахъ отъ Нижняго Новгорода, и лѣчилъ свои раны; но раны своего Опечеснва, которое онъ любилъ, были чувствительнѣе собственныхъ. Пожарскій внялъ словамъ благороднаго духомъ, съ радостію согласился на просьбу, взялъ полководство. Минину поручилъ казну. Первыя войски, приходившія къ Пожарскому, были Смолене, Дорогобужане и Вязмичи. Начальствуя ими, прибылъ въ Нижній Новгородъ, гдѣ отъ гражданъ принялъ былъ съ рукоплесканіемъ. Но какъ еще не доставало ратныхъ людей и денегъ, Пожарскій разослалъ въ разные города грамоты, которыми приглашалъ онъ желающихъ вступить за погибающее Опечеснво, съ нимъ соединиться.

Дабы увѣрить читателя въ истинность моихъ словъ, я представлю въ слѣдующихъ словахъ часть грамоты Князя Пожарскаго. Онъ пишетъ изъ Ярославля въ Нюхвель городъ такъ: „Спосольникъ и „Воевода, Князь Дмитрій Пожарскій, съ

„товарищи, и Чашники, и дворяне боль-
 „шіе, и спрягчїе, и приказные люди, и
 „жильцы и дворяне, и дѣши Боярскіе
 „всѣхъ городовъ, и головы спрѣлецкіе и
 „козацкіе, и спрѣльцы и козаки, и Казан-
 „скаго Государства Князи и Мурзы и
 „Ташары, и всѣхъ городовъ всякіе служи-
 „лые люди челомъ бьютъ. По праведному
 „прещенію Божію за грѣхи наша, неупо-
 „лимъ гнѣвъ наведе Богъ на землю на-
 „шу: спалъ на Государство Московское
 „Сигизмундъ Король Польскій, пресупня
 „крестное цѣлованіе и мирное поснано-
 „вленіе, на чемъ было утверждено съ Царемъ
 „Борисомъ Θεодоровичемъ Годуновымъ, и
 „съ Царемъ Василиемъ Іоанновичемъ Щуй-
 „скимъ, наруша все, самъ пришелъ подъ
 „Смоленскъ, а полководцы его со многою
 „силою и злопагубнымъ нападеніемъ во-
 „шли внутрь Царствующаго града Мо-
 „сквы, и возспавъ на Бога жива, и не-
 „устрашась спрашнаго Божія будущаго
 „суда, Московское Государство выжгли,
 „и церкви Божіи и Монастыри раззорили,
 „и мощи чудотворныя обругали, и раки
 „святыхъ разсѣкли, и пѣмочисленныя
 „крови Христіянскія пролили, и цар-

*

„ское достояніе, собранное опъ древ-
 „нихъ лѣтъ, и всю царскую казну, и
 „всѣхъ бояръ богатства разграбили и
 „Москву опустошили. Въ такомъ бѣд-
 „ственномъ положеніи была Россія, когда
 „изъ Нижняго Новгорода гости и посадскіе
 „люди и *выборной* чело^вѣкъ Козьма Ми-
 „нинъ, ревнуя пользѣ, не пощада своего
 „имѣнія, начали рапныхъ людей надѣ-
 „лять денежнымъ жалованьемъ, и присла-
 „ли по меня Князя Дми^трія Пожарскаго,
 „ч^тобъ мнѣ ѣхать въ Нижній для земскаго
 „совѣта, и я по ихъ прошенію пріѣхалъ къ
 „нимъ въ Нижній для земскаго совѣта; и
 „тогда ко мнѣ начали со всѣхъ споронъ
 „сѣзжаться Бояре и Воеводы, и Спольни-
 „ки, и Спряпчіе, и дворяне большіе, и дво-
 „ряне, и дѣти боярскіе, Вязмичи, Доро-
 „гобужане и Смоляне, и иныхъ городовъ;
 „и я прося у Бога милоспи, началъ съ
 „ними со всѣми, и съ *выборнымъ* чело-
 „вѣкомъ Козьмою Мининымъ, совѣпова^ть,
 „ч^тобъ намъ пропивъ враговъ и раззори-
 „телей вѣры христіянскія за Опечесство
 „стоять всѣмъ единомысленно, и злодѣевъ
 „испребя, выбра^ть Государя всею зем-
 „лею, кого Милосердый Богъ дастъ; и

„совѣповавъ, дали мы въ помъ Богу
 „души свои, а рапнымъ всякимъ людямъ
 „денежное жалованье дали неоскудно.
 „Услыша же нашъ совѣтъ и Казанскій
 „народъ нами покоренный, но счастье
 „подъ законами Русскими пріобрѣтшій,
 „къ намъ присоединились, и проч. *)

Сими должными, истинными писаніями,
 Пожарскій воспламенилъ души всѣхъ; въ
 семъ случаѣ познала Россія, что она
 преданными себѣ сынами преисполнена;

*) Благосклонному читателю не непріятно бу-
 дешъ прочесть рѣчь Галгака, Брипанскаго
 полководца, къ Брипанцамъ, осажденнымъ
 Римлянами подъ предводительствомъ Агри-
 колы. Извлеченіе изъ Тацита.

Римляне, побѣдивъ народы намъ друже-
 ственные и сопредѣльные, дерзнули приbli-
 житься къ границамъ нашимъ. Доселѣ были
 мы удалены отъ береговъ, ими порабощенныхъ,
 и взоры наши не осквернились еще зрѣли-
 щемъ ненавистнаго ихъ владычества.

Поспавленные на краю вселенной, въ послѣд-
 немъ такъ сказахъ укрѣпленіи независимо-
 сти, окруженные славою, которая въ опада-
 леніи невѣдомые предметы безпрестанно уве-
 личиваетъ, покоились мы за сею оградой, въ
 свящилищѣ свободы. Она опровергнута. Ри-
 мяне на границѣ нашей. За ними порабобо-

со всѣхъ сторонъ къ Пожарскому спе-
кались люди, а къ Минину деньги. —

Пребывающіе въ Москвѣ Поляки, узнавъ
объ оныхъ собранныхъ полчищахъ, уже
слышаиъ громъ, копорый гошовъ раз-
разишся надъ кичливыми главами ихъ;
уже моліеносныя войски Россійскія при-
блжались въ рашномъ порядкѣ къ Москвѣ,
гошовы караиъ враговъ своихъ. Тогда,
содрогнисъ чипапелъ! Поляки видя не-
избѣжное раззореніе свое, приступили къ
преспарѣлому Папріарху Гермогену; со

щенныя Государства, обращенные въ пепель
трады, ограбленныя селенія и кровь шѣхъ
и доспойныхъ народовъ, кои униженіемъ и
робосію еще нѣсколько дней жизни сни-
скашъ себѣ надѣялись. Зрѣлище сіе изобра-
жало бы будущую судьбу нашу, естли бы
каждый изъ насъ не былъ гошовъ умереть за
Отечество, естли бы каждый изъ насъ,
сынъ, брашъ или другъ Героя, не препеналь
опъ ужаса при единой мысли порабощенія.
Мы должны сражашся. Оружіе, славу и наде-
жду храбрыхъ составляющее, было бы те-
перь единственнымъ прибѣжищемъ даже и
робкихъ. Мы должны сражашся до послѣд-
ней капли крови. Пусть Римляне или завла-
дѣюшъ пустымъ Отечествомъ нашимъ, въ
копоромъ, окруженные гробами героевъ,
будушъ они и послѣ смерти нашей препе-

внесенными мечами надъ нимъ, пребо-
вали отъ сего Архипастыря, да запре-
тишь онъ Пожарскому съ войскомъ под-
ступать подъ Москву. Добродѣтельный
Первосвященникъ не взирая на мечи, не
взирая на готовую смерть принявъ его
въ свои хладныя объятія, только сказалъ:
кто жъ спасетъ Россію? За сей достойный
подражанія опвѣтъ, за благородство
души, за любовь къ Отечеству, раздра-
женные чудовища — Поляки, давъ неиз-
чешные удары мечами, повлекли сего

шасть при воспоминаніи славныхъ дѣяній ихъ,
или лягушь въ прахъ на предѣлахъ нашихъ.
Такъ, Британцы; намъ оспается или лечь
въ гробъ, или обширнымъ гробомъ Римлянъ
обнести предѣлы наши.

Храмы Боговъ нашихъ, спяжанія предковъ,
женъ и дочерей нашихъ, осквернишь, огра-
бишь, похишишь ненавистный народъ сей,
въ сраженіи шокмо мужественный, а послѣ
побѣды наглый, дерзкій и жестокий. — Онъ
откажетъ въ самой жизни шѣмъ изъ насъ,
кои имѣли бы несчастіе пережить свое Отече-
ство. Кровь героевъ и въ падшемъ, унижен-
номъ попомствѣ ихъ, спрашна похишишело,
стремящемуся рабами населишь вселенную.
Онъ вспомнишь, какъ истребляли мы легіоны
его; вспомнишь, какъ каждый шагъ въ предѣ-
лахъ нашихъ, ужасомъ для него окруженныхъ,

святаго мужа на площадь, и тамъ довершили свои злодѣйства, предавъ мучительной и позорной смерти сего достойнаго, великаго человѣка. Такъ поступаютъ народы, безъ нравовъ и души!

Между тѣмъ, какъ сіе происходило въ Москвѣ, Князь Пожарскій шелъ съ войскомъ въ Ярославль; на пути со всѣхъ сторонъ получилъ великія помощи; но прежде нежели итти къ Москвѣ, и приступитъ къ рѣшительному дѣлу, беретъ нужныя для предпріятія своего предостро-

продавали мы цѣною крови его воиновъ. Онъ не имѣетъ вѣры къ клятвамъ вашимъ, не повѣритъ робости вашей; не помыслитъ, чѣмъ Британцы когда-либо могли быть его рабами, и одною смертію вашею побѣду свою обнадежитъ. Къ оружію, друзья! И вы, исполненные чувствомъ чести, и вы къ жизни прилепленные! не мните ли вы, что Римляне споль же отважны въ сраженіи, сколько въ мирѣ наглы и буйственны? Чему обязаны они славою своею? Несогласіямъ народовъ, ошибкамъ и робости враговъ своихъ. Они не что иное, какъ толпа разныхъ племенъ соединенныхъ успѣхами, и коихъ одна неудача разсѣять можетъ. Какъ представитъ себѣ, чѣмъ Галлы, Германцы, и со стыдомъ долженъ я присовокупить, сродственные съ нами народы, продающіе кровь свою врагу общему, были

рожності, толпы въ разныхъ мѣстахъ разсѣянныхъ злодѣевъ изкореняють, уничтожаютъ пагубныя для Россіи намѣренія измѣнника, Козацкаго Гепмана Заруцкаго, которой женился на Маринкѣ, вдовѣ Дмитрія Самозванца, бича Россіи, помышлялъ о Царскомъ престола; за сіе желаніе получилъ въ послѣдствіи должную казнь.

Для вѣрнаго успѣха въ подвигѣ своемъ Пожарскій отправилъ къ Шведамъ посла, чѣмъ они ему не воспрепятствовали

искренно преданы Римлянамъ, которыхъ гораздо долѣе непріятелями, нежели рабами они были? Боязнь и ужасъ связываютъ ихъ. Разторгнемъ цѣль сію; ненависть займешь ея мѣсто.

И такъ большая часть враговъ нашихъ не имѣетъ даже Опечеснѣва. Гдѣ жены и дѣти, которыхъ защитить они должны? Гдѣ преслѣдѣемые опцы, коихъ радостныя слезы орошаютъ побѣдителей? Гдѣ гробы праотцевъ, которые, яко священный залогъ народной славы, должны они оградить отъ поруганій врага, коему нѣтъ ничего святаго? Вотъ преимуще-снѣва наши предъ ними. Толпа рабовъ, Бришанды, толпа разбойниковъ, грознымъ Провидѣніемъ на жертву намъ приведенная, стоитъ на границѣ нашей. — Съ ужасомъ обзираетъ она сіе незнакомое ей небо и обширныя де-

кончили со славою начатое имъ. Между
тѣмъ получено извѣстіе, что Польскія
войска подъ предводительствомъ Геп-
мана Хопкевича вошли въ Россію и на-
чались опять опустошенія. Пожарскій
по приглашенію Дмитрія Тимофеевича
Князя Трубецкаго, (который такъ же
собралъ войско), приходитъ поспѣшно
подъ Москву, ожидаетъ Хопкевича, прое-
крапно съ нимъ сражается, опрокиды-
ваетъ его войски и прогоняетъ въ Польшу.

бри. Съ прелетомъ она увидитъ зрѣлище, еще
болѣе незнакомое ея взорамъ, обыкшимъ вѣспрѣ-
чать повсюду покорныхъ рабовъ, зрѣлище на-
рода славнаго, независимаго и за Опечесство
свое единодушно умереть готоваго. Одна по-
бѣда, и гдѣ Римляне? Разсѣянные въ землѣ,
имъ неизвѣстной, окруженные ожесточенными
рабами, коихъ иго свергли мы своимъ оружі-
емъ, оставленные наемниками, которые про-
клиная успѣхи ихъ, прикованы были къ ихъ
знаменамъ, куда скроются они отъ мщенія
нашего? Твердыни, купленные златомъ ихъ,
или падутъ предъ оружіемъ нашимъ, или въ
гробы ихъ обратятся. Они бѣгутъ въ предѣ-
лы свои, единой жизни у насъ испрашивая.
Мы даруемъ имъ миръ. Да познаютъ они, что
сколько Брипанцы ужасны, защищая Опече-
ство и славу свою, столько великодушны
они, побѣдивъ неріашеля.

Послѣ сего похвальнаго дѣла, устремляетъ силы свои на Москву, гдѣ по недостатку съѣстныхъ припасовъ насталъ голодъ; беретъ приступомъ Кипай городъ, напоследокъ поражаетъ такъ Поляковъ, что они, и ихъ сообщники, отдаются ему въ руки, отдаются въ руки спрашнаго побѣдителя Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго.

Философовъ Смоленскій дворянинъ былъ причиною, что Король Польскій не поспѣлъ дать помощь Хопкевичу и Желковскому, и тѣмъ Пожарскій скорѣе достигъ своихъ намѣреній. Философовъ предсталъ Сигизмунду, яко бѣглець изъ Россіи, и доколѣ не знали его великой души, доколѣ Москва была освобождена отъ припѣснителей. Тогда Король Польскій велѣлъ съ живаго Философова содрать кожу; но сей вторый Регуль благодарилъ Господа, что онъ былъ споспѣшествователемъ спасенія Отечества.

Такимъ образомъ Москва отъ своихъ непріятелей освободилася; уже слышанъ радостный колокольный звонъ! уже ейміамъ курится на олтаряхъ! уже возносятся теплыя молитвы Превѣчному! рас-

пались цѣпи удручающія Россіянъ; тем-
ницы открышы; со всѣхъ сторонъ хвала
несется къ небесамъ; имя Пожарскаго,
имя Минина, перелепаетъ изъ устъ въ
уста; всякой произнося сіи имена, чув-
ствуешь услажденіе; каждый пѣснится,
хочешь видѣть сихъ освободителей, у-
зрѣть людей, заслужившихъ безсмертіе.

Въ семъ случаѣ, который происходилъ
въ 1612 году Августа мѣсяца, Поляковъ
убито болѣе двадцати тысячъ, въ плѣнъ
доспало около десяти тысячъ человѣкъ,
прочіе разбѣжались.

Вскорѣ послѣ сего собравшіеся въ Мо-
скву, первоспепенное духовенство, бояре,
дворянство, и другіе чины, по желанію
Пожарскаго, возвели на праздный Россій-
скій престолъ Михаила Ѳеодоровича Ро-
манова, который былъ въ родствѣ, по
женскому колѣну, съ Царемъ Іоанномъ Ва-
силіевичемъ Грознымъ.

Младый Государь вступя на престолъ,
первымъ долгомъ поспавиль себѣ, возна-
градить спасителей Россіи; по чему По-
жарскій получилъ помѣстья (многіе пи-
шутъ, что онъ ничего не принялъ, усту-
пя все Князю Трубецкому), а Мининъ по-

жалованъ Бояриномъ. Родитель Царевъ, Митрополишъ Филаретъ Никитъевичъ, изъ девяти-лѣтняго плѣна освобождается и сыномъ своимъ возводится на праздный Патриаршій престолъ.

При Михаилъ Ѳеодоровичъ, при семъ юномъ Государь, Россія воспріяла прежній блескъ свой и славу; родъ Его старается содѣлывать счастье подданныхъ Своихъ.

Два столѣтія въ вѣчности погребены; два столѣтія, общій гласъ Государей Россійскихъ, Россіянъ, и другихъ народовъ, твердятъ: Пожарской великій человекъ; Мининъ великій человекъ; Гермогенъ и Филосовъ и Коспромской поселянинъ Сусанинъ, бессмертные мужи; они заслуживаютъ монументы въ память себя; но только что всѣ твердятъ, а мы памятники ищемъ, воздвигнутые имъ, и съ соболѣзнованіемъ не находимъ.

Монументы нужны, ибо юность, возмужалые, проходя мимо оныхъ, останавливаются, съ благоговѣніемъ вопрошаютъ о дѣлахъ мужей, въ честь которыхъ воздвигнуты оныя; узнавъ, проливаютъ слезы умиленія въ память подвиговъ ихъ, ревнуютъ, готовы сами до-

спигнуть полико высокой чести.-- Свидѣ-
тельствуюсь собою, часто, очень часто
приближаюсь къ Марсу Русскому, къ мо-
нументу Суворова, къ памятнику Румян-
цова; лью слезы, люблю ихъ душевно за
добродѣтели, чщу подвиги ихъ; и въ воз-
торгѣ, желаю быть полезнымъ человѣче-
ству и жить въ попомощь. *)

*) Письмо Геракова къ издателю вѣстника Ев-
ропы, 1808 года Іюня мѣсяца.—М. Г. Любовь
къ Отечеству, любовь къ славѣ Россіи, со-
единяешь, даже дружишь вѣрноподданныхъ
своему Государю; на сему основываясь, про-
шу помѣстить въ своемъ журналѣ слѣдую-
щія спироки.

1803 года, въ изданной мною книжкѣ: Твер-
дость духа нѣкоторыхъ Россіянъ, описывая
кратко подвиги князя Пожарскаго, и Козьмы
Минина, я сказалъ:

„Два столѣтія въ вѣчности погребены; два
столѣтія, общій гласъ Государей Россійскихъ,
Россіянъ, и другихъ народовъ, швердиль: По-
жарской великій человѣкъ, Мининъ великій
человѣкъ, заслуживають монументы въ па-
мять себѣ; но только чщо всѣ швердятъ, а
мы ищемъ памятники воздвигнутые имъ, и съ
сокрушеннымъ сердцемъ не находимъ.“

Академіи Художествъ ваятель Адъюнктъ-
Ректоръ Мартосъ, воспламененный конечно
и прежде моей книжки любовью къ Отече-
ству и къ великимъ сынамъ его, сдѣлалъ мо-

Г Е Р О И И

СЛАВЯНСКАГО ПОКОЛѢНІЯ.

Народъ Славянскій! народъ толико въ
вѣкахъ извѣстный одними качествами
великими, честь человѣчеству принося-
щими! Тебя, почтенная древность, вре-
менами наспоющими уваженная! васъ при-

дель монумента Пожарскаго и Минина, и удо-
стоилъ меня видѣть оную, говоря, что онъ
былъ возбужденъ моими спровами къ сему
пріятному труду; и сей день былъ днемъ моего
знакомства съ художникомъ, преисполненнымъ
дарованій.

1804 года, При второмъ изданіи моей книж-
ки, подъ заглавіемъ: Твердость духа Русскихъ,
въ концѣ крапикаго описанія подвиговъ По-
жарскаго и Минина, я напечаталъ:

„Россіяне желали видѣть памятникъ Мини-
ну и Пожарскому, и модель онаго уже го-
шова, сдѣланная рукою Русскаго Скульптора
Ивана Петровича Маринуса, гдѣ изображены
они совокупно спремиющимися на избавленіе
Москвы. Модель сія была представлена Го-
сударю Императору и всей Император-
ской Фамиліи Президентомъ Академіи Ху-
дожествъ Графомъ Александромъ Сергѣеви-
чемъ Спрегоновымъ. Государь Императоръ
одобря сей проэктъ художника, позволилъ
произвести въ дѣйствіе, и воздвигнуть мо-
нументъ въ Москвѣ.

зываютъ днесъ! воспламените духъ мой, дайте крѣпость уму моему; воспѣвъ желаю нѣжной полъ Славяно-Россійскихъ поклѣнній, единственнѣйшій предметъ всѣхъ нашихъ желаній и доспохвальныхъ подви-

Художникъ будучи отвлеченъ, или лучше сказать, занятъ работами Казанской Церкви, не могъ доселѣ начать подписку, чтобы кончить начатое имъ, и чтобы въ скорѣйшемъ времени воздвигнуть былъ памятникъ на площади Московской во время АЛЕКСАНДРА I.

Нынѣ 1808 года опъ 2 Апрѣля, Нижегородскій Гражданскій Губернаторъ Андрей Максимовичъ Руновскій, представилъ къ Министру внутреннихъ дѣлъ: что Дворянство и Граждане Нижегородской Губерніи изъявили великое желаніе, въ память знаменитыхъ подвиговъ Нижегородскаго купца Козьмы Минина и Боярина Князя Пожарскаго воздвигнуть въ здѣшнемъ городѣ симъ незабвеннымъ героямъ монументъ на верхней площади, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Мининъ повергнувъ къ ногамъ народа всѣ свои сокровища, и возбудивъ въ согражданахъ своихъ духъ Героическаго соревнованія, повелъ ихъ подъ знамена Князя Пожарскаго; но безъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества позволенія, къ исполненію сего приступить не смѣютъ.

Дальше пишетъ господинъ Губернаторъ, яко сынъ Опечесства, что подпискою собрано уже болѣе семи тысячъ рублей.

говъ. Еще облака умноженныхъ лѣтъ не
окужили меня; еще парилъ душа моя
въ безпредѣльныя мѣста, ни кому незна-
емыя; еще слава истинны и добродѣтели

Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ всепод-
даннѣйше доложу Государю Императору,
опишется къ господину Президенту Академіи
Художествъ Александру Сергѣевичу Спорого-
нову, что Высочайшее соизволеніе Его
Императорскаго Величества есть, сочи-
нить нѣсколько проектовъ для монумента,
коимъ дворянство и граждане Нижегородской
Губерніи желаютъ ознаменовать подвиги
гражданина Козьмы Минина и Боярина Кня-
зя Пожарскаго. И такъ въ бывшемъ 2 Маія
1808 года въ Академіи Художествъ Совѣтъ
воля Государя Императора прочтена,
и положено, въ непродолжительномъ времени
проекты представить къ Его Сіятельству
Графу Спорогонову. Определено же въ Со-
вѣтѣ сдѣлать проекты господамъ членамъ
и художникамъ: по Скульптурѣ Адъюнкты-Рек-
тору Маршосу, Профессорамъ Щедрину, Про-
кофьеву, Академикамъ Демуту и Пименову; по
Архитектурѣ: Профессорамъ Захарову, Воро-
нихину, Томону, Адъюнкты-Профессору Ми-
хайлову и Академику Михайлову.

Къ сему должно присовокупить объявленіе
отъ Министра внутреннихъ дѣлъ.

Дворянство и Граждане Нижегородской Гу-
берніи, въ воспоминаніе знаменитыхъ предъ

озаряетъ меня; еще умѣю слезы липѣ,
чипая въ сполѣпїяхъ минувшихъ дѣла
подражанїя доспойныя; шуманы мрачныя
еще неносящся надъ главою моею; еще вре-
мя не умертвило во мнѣ чувствъ долж-

Опечесствомъ заслугъ гражданина Козьмы
Минина и Болярина Князя Пожарскаго, воз-
намѣрились воздвигнуть изъ собственнаго
иждивенїя великимъ мужамъ симъ памятникъ
въ Нижнемъ Новгородѣ.

Черезъ начальника Губернїи испрашивали они
Высочайшаго на то соизволенїя.

Его Императорское Величество прїемля
съ опличнымъ благоволенїемъ столь справед-
ливый знакъ почшенїя къ памяти опече-
ственныхъ Героевъ, Всемиловѣйше со-
изволилъ утвердить предположенїе сіе; но
желая въ поже время не уснранить опъ
онато и прочихъ Губернїй Имперїи Россїйской
и въ особѣнности обѣихъ столицъ, изъ коихъ
одна спасенїемъ своимъ Гражданину Минину
и Князю Пожарскому обязана, почель за бла-
го Высочайше повелѣть, открыть подпи-
ски на сооруженїе изъясненнаго памятника
въ Губернїяхъ подъ руководствомъ Мини-
стра внутреннихъ дѣлъ.

Памятникъ сооруженъ будетъ извѣстнымъ
ваятелемъ, Академіи Художествъ Адъюнктъ-
Ректоромъ Станскимъ Совѣшникомъ Маршо-
сомъ, коего рисунокъ превзойдя всѣ прочїе и
совершенно оправдывая ожиданїя опъ даро-
ванїй сего Художника, избранъ и утвержденъ
Его Императорскимъ Величествомъ.

ныхъ; я живу духомъ горнимъ; воспаляюсь молвою честныхъ; оживляюсь хвалами мудрыхъ, и подобно зефиру, приглашенному въ Майскій день на долину благошворнымъ солнцемъ, склоняю слухъ

Г. Маршось выразилъ весьма счастливо самую минушу, въ которую Мининъ, уполномоченный отъ гражданъ Нижегородскихъ, приходишь къ Князю Пожарскому, отъ ранъ изнеможенному, и склоняетъ его принявъ начальство надъ войскомъ на спасеніе Отечеству ополчаемымъ. Мининъ представляя Князю Пожарскому одной рукою, съ достоинствомъ гражданина, любовью къ Отечеству воспламененнаго, мечъ на его оборону, указываетъ другою безъ сомнѣнія на дорогу Московскую, на спотыки сей столицы, крови сарцевъ, женъ и дѣтей обогрѣныя, на храмы поруганные и обращенныя въ пепель.

Князь Пожарскій, сидящій въ положеніи Героя, болѣзнями удрученнаго, принимаетъ мечъ, внимаетъ Минину и подымлетъ щипъ, на коемъ изображенъ Спаситель.

Мѣдныя колоссальныя изваянія Героевъ сихъ поставлены будутъ на мраморномъ пѣдесталѣ, украшенномъ двумя мѣдными досками, представляющими въ бариліефахъ съ одной стороны площадь Нижегородскую, на которую гражданинъ Мининъ принесъ все свое имущество, вѣщаль къ народу: „оставимъ дома наши, продадимъ женъ, зложимъ дѣтей и „спасемъ Отечество,“ и на коей женщины

*

свой на дѣла великія, въ бытописаніяхъ народныхъ начерпанныя, и рукою времени неизглаженные.

Такъ! мнѣ образованному, единственно Славяно-Россіянами, чуждыми пороковъ

сносящія сокровища и украшенія свои, граждане складывающіе деньги и имѣніе, спарцы приводящіе дѣшей своихъ, сполькраснорѣчиво изображаютъ славную сію минушу изъ времени прошедшихъ; съ другой разбиіе враговъ, славную побѣду Россіянъ и освобожденіе Москвы.

Памятникъ воздвигнутъ будетъ на самой площади сей въ небольшемъ разстояніи отъ соборной Церкви, въ коей погребенъ почтенный прахъ Минина, удостоенный нѣкогда посѣщеніемъ Государя Петра Великаго, во время похода Его въ Персію.

Подписка на сей памятникъ открыта съ 1 Генваря 1809 года.

Сооруженіе его воспріиметъ начало немедленно по собраніи изчисленныхъ на оной 150 тысячъ рублей.

Жители Нижегородской Губерніи предложили уже въ число сей суммы 20 тысячъ рублей; обитатели прочихъ многочисленныхъ Губерній Имперіи Россійской не уступятъ безъ сомнѣнія соотечественникамъ знаменитаго Минина въ усердіи къ славіи Отечества и въ почтеніи къ памяти его Героевъ.

другихъ народовъ, пріятно, оправдно внимашъ дѣламъ, честь приносящимъ Царю Русскому, Опечеству.

Иноземныя племена! васъ хочу наставишь, чшишь родъ людей гошовыхъ

Необходимо и слѣдующія строки прошу читателей прочесть.

Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I, въ Рескриптѣ своемъ къ Министру внутреннихъ дѣлъ отъ 20 Октября 1811 года пишетъ: „О. П. По представленію вашему о монументѣ, сооружаемомъ въ память гражданина Минина и Князя Пожарскаго, соглашаюсь Я съ удовольствіемъ на изъявленное нынѣ желаніе Спашскимъ Совѣшникомъ Маршосомъ, представившимъ проэктъ сего монумента, чтобы работу сію начать немедленно. Къ сему нахожу Я шѣмъ болѣе удобности, что, какъ изъ представленія вашего вижу, денегъ на сооруженіе сего монумента внесено по подпискамъ и опослано въ Банкъ для приращенія изъ процентовъ по нынѣ до ста припцати тысячъ рублей, не включая въ сіе число присланныхъ изъ Нижегородской Губерніи восемнадцати тысячъ рублей, которые предназначаются для особеннаго памятника въ Нижнемъ Новѣгородѣ.“ — . . . Дальше пишетъ Государь Императоръ: „Хотя же полной на сей предмѣшъ суммы, составляющей сто пятьдесятъ тысячъ рублей, еще и не собрано за

пворишь благо каждому прибѣгающему
подъ кровь его.

Пускай враги дарованій и чувствій
благородныхъ изоцряютъ жало свое
пропивъ меня, пускай ослабляются

„опчисленіемъ упомянутыхъ выше восемна-
„цати тысячъ рублей, съ накопившимися про-
„ценками, кои назначаются на сооруженіе о-
„собаго монумента въ Нижнемъ Новѣгородѣ;
„но какъ вся работа большаго монумента не
„можетъ окончательнo совершиться прежде
„четырехъ лѣтъ, то если бы въ теченіи
„сего времени и не внесено было болѣе сум-
„мы, по подпискамъ, Я предоставляю замѣ-
„нить сей недостатокъ въ свое время изъ
„капитала, ежегодно ассигнованнаго на ка-
„зенныя въ Государствѣ строенія. За симъ
„остаюсь Я въ полномъ увѣреніи, что какъ
„со стороны художника употреблены бу-
„дутъ всѣ усилія къ успешному исполненію
„сего предпріятія, толико МНѢ пріятнаго и
„всѣмъ истиннымъ сынамъ Отечества любез-
„наго, такъ и вы не оставите содѣйство-
„вать ему съ вашей стороны во всемъ томъ,
„что отъ васъ зависѣть будетъ.“

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою:

АЛЕКСАНДРЪ.

И такъ монументы будутъ воздвигнуты, одинъ
въ Москвѣ, а другой въ Нижнемъ Новгородѣ.

злобно на челоуѣка шрудъ любящаго, шрудъ полезный всѣмъ сословіямъ, составляющимъ благоустроенное Государство; пускай желаютъ онъ съ душевною болью смѣется надъ напрасными усиліями недоброжелателей; и поки слезъ льются изъ глазъ его, зане спорятъ они на вершинѣ предъ пропастью; мигъ, и они низринутся въ бездны неизвѣспности.

И такъ забывъ все непріятное, какъ отважный мореходецъ разсѣкающій бурливую, высокія волны въ неизмѣримой влажноти, съ мѣриломъ предъ очами, доспигаетъ берега; пускаюсь и я въ океанъ словесности и Истории и подвергаю себя подводнымъ камнямъ съ надеждою избѣгнуть оныхъ.

Подобно солнцу, шонкими своими лучами проникающему въ чащу дебрей, и озаряющему при корени сидящаго мужа,

Пусть пишутъ крипики на слабые шруды мои; но попомство скажетъ: Гераковъ хотя слабымъ перомъ, но успѣлъ воспламенить славнаго Художника, и мы зримъ монументы, Минину и Пожарскому воздвигнутые по желанію Императора АЛЕКСАНДРА Перваго и всѣхъ Россіянъ.

я освѣщенъ желаніемъ преподашь попом-
ству дѣла Славянокъ, начавъ съ глубокой
древности до нынѣшнихъ временъ.

Лишь благодатное свѣтило распро-
спранилось въ дубравахъ и лѣса зашу-
мѣли въ вѣнцахъ своихъ зеленыхъ, и я
лишь удоспоюсь благосклоннаго чпенія
людей мыслящихъ: возрадуюсь духомъ
и поощусь при старости достигнуть
спези, къ славѣ ведущей.

Время не можетъ угнепать насъ; мы
возсядемъ подъ многовѣтвенны и лис-
твенны древа, и повѣдаемъ другъ другу
дѣла минувшихъ лѣтъ.

ДРЕВНОСТЬ.

Тамъ, гдѣ благодатная Волга осре-
бряетъ брега пучныя, между рѣками
Меланхлены и Сирбы, и гдѣ спруиися
она во всѣхъ красахъ своихъ, пребыва-
ли во времена отдаленныя отъ насъ Ама-
зонки, Славянскаго рода. Сіи рапныя жены
по убіеніи любезныхъ имъ, облекшися въ
доспѣхи ихъ воинскія, наступили сердцемъ
мужественнымъ на нарушителей покоя

ихъ, и доспойно наказали, опмспили за смерть супруговъ своихъ. Послѣ сего, подобно орлицамъ на зыбяхъ воздушныхъ, пуспились онѣ на поле брани, подвигнули рапъ въ Азію подъ предводишельспвомъ Марпезіи, ихъ Царицы, копорая за свои побѣды должна бытъ уравнена и выше почитапьясь первыхъ военачальниковъ.

Возвышающая блиспапельное чело свое вечерняя звѣзда, другия ночи, не споль лѣпообразна, сколь казалась Марпезія блиспапельна посреди бранноносной бури. Иноплеменники исчезали предъ лицомъ ея. Лучъ солнечный скоръ, но не пакъ порывиспъ, какъ была Марпезія. Она начинала рѣчь и все внимало ей, и шопопъ лиспьевъ прекрапился, и журчаніе ручейковъ оспановилось, и говоръ и пѣніе ппиць перялись въ поднебесной, и шумъ волнъ морскихъ умолкалъ, и въпроеъ свиспъ не распро-спранялся по окрестностямъ.

Какъ восхипительно было созерцапъ Марпезію, предъ рядами храбрыхъ женъ! Тяжелый мечъ висѣлъ при ребрахъ ея; шеломъ съ бѣлыми перьями покрывалъ главу ея, изъ подъ копорого сыпались кудрями власы черные на грудь высокую,

обнаженную, бѣлую; нѣжною, но сильною рукою попрыскаетъ она огромнымъ копѣемъ, другая держитъ щипъ, готовый принимать удары сильные. Весь строй узрѣвъ ея, выпускаетъ вздохъ; болѣзненный вопль раздался, въ честь и любви супруговъ ихъ; уклонили долу очи свои, по томъ поднявъ оныя къ Міроправителю, гласящъ къ Марпезіи: веди насъ прошиву суносшаповъ, и мы докажемъ на дѣлѣ, что имѣемъ сердца, что умѣемъ умереть или побѣдить.

Подобно извивающейся, наполненной водами долины, которая распилаетъ повсюду свои богатѣйшія сокровища, вездѣ такъ разсыпающъ ужасъ Амазонки-Славянки, или подобно лилеѣ, пьющей сокровенную струю свѣжей муравы, Амазонки-Славянки вездѣ находятъ способы, преклоняющъ съ почтеніемъ къ себѣ, и пользоваться всѣми благами, добродѣтель имѣя защитникомъ своимъ первѣйшимъ.

Искусствъ не вѣдая, умѣли всѣхъ плѣнять;
Ихъ долгъ, былъ имъ законъ, а ихъ защита взглядъ;
Молчанье скромное и гордость съединяли;
И наглость и порокъ предъ ними исчезали.

Марпезія со оружіемъ своимъ побѣдительною доходила даже до горъ Кавказскихъ, гдѣ и названа прорицашелями каменною спремниною. Послѣ сего Амазонки-Славянки обошли всю малую Азію, взяли подъ иго свое Арменію, Галапію, Сирію, Киликію, часть Персіи, и другія области Азіатскія, гдѣ долгое время спояли, строили грады и крѣпости, населяли пущыни, учреждали общества, и удивляли всѣхъ своею мудроспю и мужеспвомъ. *)

Сіи Героини большею частію любили лѣсныя уединенія, непроходимыя, темныя мѣста, или обросшіе кореньями крупые берега, раздѣляемые журчащимъ ручьемъ, который цѣлый день забавлялъ ихъ, когда должность позволяла имъ наслаждапсья.

Иныя изъ сихъ неустрашимыхъ женъ строили себѣ убѣжища отъ непогодъ времени, подъ сполѣпными вязами и ду-

*) Древность осуждаетъ сихъ храбрыхъ женъ за то, что они увѣчили сыновей своихъ, а дочерей воспитывая, наспавляли во всѣхъ военныхъ упражненіяхъ, но прижигали и симъ невиннымъ правую грудь, дабы свободнѣе могли спрѣляпть изъ лука.

бами; надъ стенающею рѣкою, соглашая голоса свои съ шумомъ волнъ ея, производили оправдную для души чувствительной мусицію.

Иныя укрываясь въ ущелинахъ горъ, продолжали путь свой по берегу вспрѣпившейся излучистой рѣки, до вершинъ ея истока; любили созерцать ужасныя красоты природы. Водопадъ, бросающъ съ ревомъ стремительно съ вершины кремнистой скалы клубящую свою пѣну, распространяя по долинѣ, начерпывалъ на лицахъ ихъ видъ твердый. Тяжелый спонъ, вырываясь изъ крѣпкой ихъ груди, раздаваясь эхомъ по пригоркамъ, спрахъ наводилъ на приближающихся воишелей иной страны.

Иныя, удаляясь отъ мірскихъ замѣшательствъ, съ избранными другинями, наслаждались чистыми удовольствіями сельской жизни, среди спокойныхъ долинъ воздѣлывая нивы свои, при восклицаніяхъ пріятныхъ небу. Блистательная одежда была презираема ими; чистота была любезна имъ; изъ льна выпканное полукафтанье служило имъ покровомъ непроницаемымъ разсмапривать шайныя красоты. Власы

лилися по раменамъ нѣжнымъ, подобно ручьямъ кристальнымъ, ниспадающимъ съ высопы горъ, бѣгущимъ по оплогоспи оныхъ. Чаша съ драгоцѣннымъ питіемъ не вливала въ жилы ихъ пламени непо-
волиптельнаго, и не раждала безумія; чи-
стѣйшая вода изъ жемчужнаго храни-
лища прохлаждала ихъ во дни нестер-
пимыхъ жаровъ Азіи. Ночь не проводили
онѣ въ нѣгѣ и негубили дней въ праздно-
спи и сасполобіи. Онѣ не знали мни-
мыхъ радостей, которыя ласкапели боль-
шаго свѣта разсѣвають, обольщая ло-
вятъ невинность, и увлекають на вѣч-
ный позоръ. Онѣ не знали изъяслять на-
лицъ своемъ удовольствію, когда сердце
бывало въ огорченіи; онѣ были дѣпи свя-
той природы.

Древность глубокая, часто всѣмъ слу-
хамъ вѣру имущая, говоритъ въ восторгѣ:
Амазонки - Славянки построили городъ
Смирну, по помъ Ефесъ, въ честь боги-
ни Арпемиды, яко покровительницѣ дѣв-
ственности, и какъ божеству зѣролов-
ства и рапи. Имъ же приписываютъ о-
снованіе славнаго въ Ефесѣ храма, копо-

рый въ послѣдствіи поставленъ въ числѣ семи чудесъ.

Мужественныя сіи жены, возлегши на широкихъ щипахъ своихъ, предавались власпи сна; но и тогда духомъ бодрствовали; ни что, казалось, не могло пропивуспать имъ; онѣ подобны были ужаснымъ пѣмъ камнямъ, самому времени сопротивляющимся, на вершинѣ которыхъ зеленѣющія сосны, возвышаясь выше тумановъ, восхищаютъ. Амазонки-Славянки, героини брани, но красою превышали всѣ поколѣнія; пропивники гибли, исчезали при лицѣ ихъ, и тогда радость сіяла на челѣ Славянокъ-Амазонокъ. — Онѣ вездѣ оставляли слѣды своей славы; въ часы битвы обращались къ облакамъ; опшуда призывали въ защиту себѣ давно уснувшихъ вѣчнымъ сномъ; и казалось, Небо склонялось на прозбы ихъ, опвѣпствовало имъ, согласно съ желаніемъ ихъ; — онѣ побѣждали.

Однако онѣ не были чужды душевныхъ услажденій; онѣ часто проливали слезы умиленія, видя щасливыхъ поселянъ въ потѣ лица снискивающихъ должное для продолженія дней своихъ; онѣ восхища-

лись взирая на прекрасную пастушку, опрятно одѣтую съ граблями въ рукахъ, сидящую по закашѣ солнечномъ подъ многолиственнымъ древомъ, взирающую на двухъ своихъ сыновей, отроковъ еще; одинъ спарается упѣшать, радовать ее, показывая ей, сдѣланную самимъ собою клѣшку, рассказывая, какую хитрость употребилъ онъ заманивъ въ оную невинную пшичку; въ тоже время глаза его обращены на брата, гдѣ чипать можно подтвержденіе словъ его; другой устремилъ взоры на родившую его, спарается нѣжностію чувствъ своихъ веселить ея. Въ иномъ мѣстѣ, видя загорѣвшаго пастуха небрежно сидяща на дерновомъ возвышеніи, воспѣвающаго гимнъ благодарственный Несозданному, плакали онѣ и просирая длани къ небесамъ умоляли оныя быти покровомъ на всегда симъ добрымъ людямъ; ни кто не смѣлъ приближиться къ симъ крошкимъ; Славянки-Амазонки были ихъ крѣпкая защита.

Такъ пропекло много лѣтъ; онѣ часто возсѣвши на мшистые камни береговъ быстротекущей рѣки, восхищались красотою своею, созерцая себя въ зеркалѣ

водъ, и воспоминаая побѣды свои, радуясь возсылали теплыя молитвы къ Зиздипелю всяческихъ.

Подобно розѣ, распущей при подошвѣ высокой горы, надъ нѣжно - журчащимъ истокомъ, качаясь надъ онымъ, улыба-лись въ душевной роскоши. Роза кинувъ взглядъ вокругъ себя, и находя красы свои превосходными, говорила, кто не радуется, взирая на меня? Зефиры лобызаятъ листики мои; ручей доволенъ, когда я на лозѣ своей нагибаюсь къ нему; ни кто, ни кто не дерзнетъ нанести неудовольствіе мнѣ; но вдругъ порывистой вѣпръ вырвавшись изъ ущелинъ кремнистыхъ горъ, гонимъ вспрыпавшее предъ собою, срываетъ листики съ розы, и они воздыхая, несутся по спру-ямъ ручья далѣе и далѣе въ неизвѣст-ность: роза видя части свои, красы свои исчезнувшими, возрыдала о прежней кичливости своей. Такъ и Славянки-Амазонки, возносясь мужествомъ своимъ, не знали печальныхъ дней, и мечтали на всегда быть счастливыми; но что было порыви-стый вѣпръ для розы, то Иракль былъ для Славянокъ-Амазонокъ.

Счастіе скорые обороты свои въ пользу Славянокъ-Амазонокъ оспановило; настало время и имъ познать горести, бытъ побѣжденными. Онѣ какъ бы предчувствуя будущія несчастія, съ нѣкопрымъ уныніемъ удалялись въ дикія мѣста; тамъ горячее ихъ воображеніе питалось пріятною задумчивостію; пылкій умъ ихъ требовалъ иногда успокоенія; находилъ оный въ уединенныхъ пѣняхъ, гдѣ навислые ущесы, мрачныя дубравы, наводятъ страхъ на путешественниковъ.

Ночь проходитъ, возсіяло утро, и уже неслышно сладкаго пѣнія; блѣдность спелется по ланитамъ Славянокъ-Амазонокъ; нѣдра земли готовятъ обширныя гробницы имъ; слезы тихо капятся изъ прекрасныхъ очей мужественныхъ женъ; природа насупила взоры свои!

Вдругъ просыпаются отъ объявшаго ихъ унынія, воспаляются огнемъ войны, и подобно облаку, несущему въ нѣдрахъ своихъ громовые удары, пропекаютъ пустыни, горы; вѣтры спремятъ ихъ по равнинамъ; власы служатъ вѣприлами имъ; лѣса окрестныя препещутъ, испускаютъ тяжкій вздохъ. Какъ стрѣла пущенная

мочною рукою, разсѣкая воздухъ, и проходя разнородные слои воздуха, раскаляется, дѣлается огненною: такъ Амазонки-Славянки, чѣмъ болѣе встрѣчаютъ препятствій, тѣмъ болѣе мужествомъ поощряются на дѣла великія; или какъ молнія небесная испоргается изъ ребръ черной тучи, и сокрушаетъ встрѣпившееся, такъ огонь, раскаленные стрѣлы, вырвавшись изъ прекрасныхъ рукъ Славянокъ-Амазонокъ, вонзаются въ грудь провинныхъ и повергаютъ долу. Но Иракль, видя полки свои разспроенными, возвыся чело свое, возпрубилъ въ златый рогъ свой; гулъ отъ онаго эхомъ донесся до послѣдняго воина; воскипѣли злобою молодые Греки, окружаютъ щипъ Героя и восколебались ряды Славянокъ-Амазонокъ.

Какъ розовая лоза, лишенная ароматныхъ цвѣтовъ своихъ осеннимъ вѣтромъ, воспринимаетъ въ весенніе теплые дни свою живость, разцвѣтаетъ лѣпомъ и служитъ усладительнымъ утѣшеніемъ для чувствъ: такъ Славянки-Амазонки, послѣ многихъ бѣдствій, случившихся съ ними въ разныхъ странахъ, явились паки на лицѣ земной поверхности, собрались подъ

знамена Царицы своей Панпазилии, ходили ею предводимыя къ спѣнамъ Трои, прошивъ Грековъ сражались, поражали, и не были побѣждены; но по низложеніи Царства Дарданова, выступили изъ малой Азіи, пребывая всегда тверды въ державствѣ своемъ, даже до Александра Великаго; его же непобѣдимая сила едва достигла чрезъ славу слуха Калиспры, изумила ее и всѣхъ служащихъ подъ нею; по чему говорятъ сѣдая древность: Калиспра двинулась съ претя спами тысячъ Славянокъ-Амазонокъ ко Александру, желая видѣть героя столь чудеснаго. По прищати-дневномъ путешествіи достигла сія Царица спана великаго Македонянина, гдѣ принята съ торжествомъ опъ побѣдителя многихъ царствъ и народовъ, и гдѣ пребыла четырнадцать дней; по семъ возвратилась съ гораздо многочисленными полками храбрыхъ женъ къ предѣламъ Малой Азіи, а другія пошли основывать царства на Дунаѣ и у горъ Кавказскихъ. По смерти Александра Великаго, Цари многихъ Державъ, кипя злобою прошивъ Славянокъ-Амазонокъ, ополчились на нихъ, многократно побѣждали

и привели до такой слабости, что Царство Славянокъ-Амазонокъ пало, погасло вмѣстѣ съ ихъ именемъ, до временъ седьмаго столѣтія по Рождествѣ Христовѣ. О семъ въ послѣдствіи будетъ говорено, когда умъ мой болѣе и болѣе озарится свѣтомъ ученія, и воспламенится восторгомъ воспѣть, не только Славянокъ-Амазонокъ, но Славяно-Россіянокъ. Уповавая крѣико на Бога, конечно достигну цѣли своей и опишу героинь Русскихъ, среднихъ и новыхъ временъ, хотя слабымъ перомъ, но усердіемъ ни кому неуспунающимъ къ вѣрѣ истинной, къ Отечеству, къ Царю Русскому.

РОСТИСЛАВЪ ЗАХАРОВЪ,

при Бородинѣ 1812.

Кто прямо Русской, тотъ вѣрно во всѣхъ случаяхъ выполняетъ долгъ свой; и по тому геройскіе подвиги, и добродѣтельные дѣла, не суть еще неслыханныя въ Россіи. Но я хочу упѣшить себя и Русскихъ, описавъ кратко смерть

любезнаго, умнаго, просвѣщеннаго, мужественнаго Захарова, котораго дружбою пользовался и я. Сей молодой человекъ, образованный въ страхъ Божіемъ, дышалъ любовію къ Отечеству, къ Государю своему—жилъ славою прежде бывшихъ, и готовилъ себя быть нѣкогда хорошимъ Генераломъ; но судьбы Вышняго иначе опредѣлили; еще въ цвѣтъ лѣтъ лишились мы его, и слезы скорби текутъ у тѣхъ, кто зналъ Захарова. Миръ праху твоему, доблестный! ты покоишься нынѣ на лонѣ Безначальнаго; да опрутъ слезы родители твои и да несется умиленная хвала къ Создателю!

Захарова, яко истиннаго сына Россіи, съ дѣтства готовили, или нѣкогда прославились, или пожертвовали жизнію блугу Отечеству. Многіе прѣхавшіе съ поля чести разсказывали мнѣ о немъ слѣдующее: „что онъ начальствуя батареєю „изъ осьми орудій, на самомъ флангѣ лѣваго крыла нашей арміи, выполнялъ долгъ „свой, какъ искусный артиллеристъ, „ободрялъ подчиненныхъ въ полъ жаркомъ „дѣлѣ, единственному въ лѣтописяхъ воинскихъ, и казалось, смерть бѣжала его

„и что кровопролитный Бородинской
 „бой приближался къ концу; что Рус-
 „скіе торжествовали уже надъ кичли-
 „вымъ врагомъ. Въ это время Захаровъ
 „получилъ приказаніе, перевезти шесть
 „орудій въ другое мѣсто; онъ опѣз-
 „жалъ къ означенному мѣсту далѣе и да-
 „лѣе опѣ опасности; но по особенной
 „наклонности къ тщности, ворошился
 „къ оставшимся двумъ орудіямъ, чпобъ
 „узнать, нѣтъ ли недостатка въ чемъ-ни-
 „будь. — Подѣхавъ, и взявъ за руку По-
 „рушчика, сказалъ: *завидую вамъ; вы будете*
 „*еще сражаться за Государя и Отечество;*
 „по томъ оборотясь къ солдатамъ, и ед-
 „ва произнесъ: *друзья, довольно ли у васъ*
 „*еще зарядовъ?* ядро поражаетъ его; ка-
 „нонеры подняли со слезами на руки лю-
 „бимаго имъ начальника и понесли съ по-
 „ля битвы. Захаровъ опомнясь, претер-
 „пѣвая мученіе, думалъ о пользѣ Отече-
 „ства, приказавъ ворошиться канонерамъ:
 „*пойдите къ орудіямъ, друзья мои; вы тамъ*
 „*нужны, а меня и двое кое-какъ доволокутъ.*
 „Не долго пользовался сей храбрый Офи-
 „церъ жизнію, не прошло и четверти ча-
 „са, онъ испустилъ духъ свой, безпре-

„спанно спрашивая: *наша ли побѣда? и от-
ступаетъ ли непріятель?*

ЕВГРАФЪ ПЕТРОВИЧЪ

БАТУРИНЪ.

Съ нѣкопорого времени, вошло въ обыкновеніе, говорить, писать, только объ умершихъ великихъ людяхъ. Конечно похвально знать дѣла, подражанія достойныя, совершившіяся въ минувшихъ вѣкахъ; но для чего въ тоже время лишать молодаго, пылкаго человѣка, свѣдѣній о достоинствахъ своихъ соотчичей, которые живутъ украшенные, увѣнчанные лаврами, послѣ дѣлъ своихъ почтенныхъ? Онъ видѣлъ въ Греціи Ариспида справедливаго, Сократа мудраго, Эмиспокла славнаго, Милпіада, Алкивіада, Кимона, Кинигира и тысячу другихъ великихъ мужей; видѣлъ въ Римѣ Фабриція, Регула, Торквата, Коріолана, Гракховъ

и имъ равныхъ достоинствами. Опъ дѣлъ ихъ кровь волнуется у него, быстро разливается по всему существу его. Онъ льетъ слезы опъ чувствъ добродѣтельныхъ; онъ хочетъ подражать имъ; онъ любитъ свое Отечество, любитъ своего Государя; но вдругъ вопрошаетъ: уже ли нынѣ и нынѣ между Россіянами таковыхъ, коихъ бы видѣть можно было, внимаю имъ, какъ они достигли славы, что они сдѣлали? Уверенъ, что благовоспитанный Россіянинъ гдѣ бы ни былъ, вездѣ ищетъ, находитъ того, который личными своими подвигами извлекаетъ у него слезы. Вотъ его сластолюбіе душевное, вотъ его торжество; онъ спѣшитъ домой, читаетъ Плутарха, Поливія, Ксенофонта, Эукидида, Титъ-Ливія, Тацита, Роллена, Верто и подобныхъ симъ сочинителямъ; занимаютъ его Вобанъ, Монтекукули, Принцъ Евгений, Конде, Тюрень, Пётръ Великій, Суворовъ, Румянцовъ, Шереметевъ, Яковъ Долгоруковъ и многіе другіе. — Онъ съ Аннибаломъ взбирается на Алпы, проходитъ болоты, земли; съ Суворовымъ переходитъ Черновъ Мостъ,

преодолѣваетъ самую ужасающую природу; въ передовыхъ полкахъ съ беспрашными, съ Александромъ Великимъ доходитъ до Индіи, съ Сократомъ въ Опечесствѣ мудрыхъ, въ Аѳинахъ, вездѣ съ Пелпромъ Великимъ.

Все это дѣлаетъ для того, что Батуричь въ юныхъ лѣтахъ такъ поступалъ, и пѣмъ въ послѣдствіи доспигъ славы, мужъ, котораго онъ любитъ, почитаетъ. Онъ знаетъ, увѣрилъ себя, что безъ пяти или десяти лѣтъ занятій въ тишинѣ, бесѣдуя съ умершими великими людьми, не лзя того сдѣлать, что Батуричь сдѣлалъ; ибо мужество, безъ свѣдѣній воинскихъ, безъ краснорѣчія, Исторіи и Географіи, ни что иное, какъ Ливійскій левъ, котораго одинъ искусный ловець привозитъ въ Европу и показываетъ спешемуся народу, смѣется надъ напрасными усиліями ярящагося свирѣпаго льва. Напрошивъ мужество увеличивается при познаніяхъ, въ примѣръ можно назвать исторію и краснорѣчіе; обѣ сіи науки и слабому духомъ даютъ геройство, и онъ производитъ чудеса во время мира и войны.

Вотъ причина, для чего мнѣ пріятно описать дѣйствіе человека, котораго душевно почишаю, люблю, и въ глазахъ коего началъ познавать истину. Бывъ руководимъ ею, утвердился въ неопъемлемыхъ правилахъ поклоняясь Богу, и славословить Его, любить Опечесіво, Государя, ближняго, и спрашивать говорить ложь *).

Уже солнечные лучи готовы были освѣщать, мракъ рѣдѣлъ, Варшава въ покоѣ, жили вѣли въ объятіяхъ сладкаго упреняго сна; пишина ни чѣмъ не прерывалась. Дни святыя давали чувствоваться нѣчто умилительное; при оборота благотворнаго свѣтила совершающагося, и народъ Христіанскій воскликнетъ, воспоетъ, радостію исполненный, воскресеніе Богочеловѣка. Всѣ неперпѣливы; каждый хо-

*) Кому не извѣстно несчастное происшествіе случившееся въ Варшавѣ въ 1794 году на Страшной недѣлѣ, когда несправедливое кровопролитіе было причиною слѣдствій, для Польши неожиданныхъ! Въ книгахъ судебъ такъ начертано; должно безмолвствовать и смиряться; но нѣкоторыя подробности сего случая конечно будутъ пріятны друзьямъ Россіи и справедливости.

чепъ облсбызатъ друга и врага своего; каждый желаетъ смириться въ духъ; крамолы, распри, неудовольствія, гошвы исчезнутъ подобно ночи при восходѣ первой оживляющей планеты. Все въ мирѣ, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ; эхо повсюду глумо оный, другой громче ошъ Арсенала Польскаго; выстрѣлы становяшся чаще. Спрахъ, недоумѣніе, пробуждающъ городъ; ужасъ объемлетъ слабодушныхъ, мужество ощущающъ герои. Все въ движеніи: полъ, возрасты, соспоянія; друзья осиротѣли, гнѣвъ заспуаетъ мѣсто въ душахъ ихъ. Спихія тысячей, плачь, уныніе. Тогда-по Преміеръ-Маіоръ Батуриный съ подобными ему *), швердъ и непоколебимъ пребылъ, видя у арсенала одно орудіе Русское; подъ карпечными выстрѣлами привозитъ къ нему на помощь другое **), у котораго на пупи Поляки всѣхъ канонеръ

*) Оказавшіе себя мужествомъ: Типовъ, Вимпфенъ, Князь Гагаринъ, Мейеръ, Тищевъ, Депрерадовичъ, Постельниковъ, Дороховъ, Парфентьевъ, молодой Игельштромъ и многіе другіе.

**) Русскихъ было въ Варшавѣ девять баталіоновъ пѣхоты, шесть эскадроновъ конницы, не болѣе 150 козаковъ и сорокъ орудій; у

побили. Батуринъ не теряеть духу, скакиваетъ съ лошади; самъ, со сроднымъ ему мужеспвомъ, природною силою и проворспвомъ, заряжалъ обѣ пушки, пока изъ гранодеръ набрались въ канонеры, по его же распоропности; чрезъ то непріятельскія орудія замолчали, и онъ съ Русскими подвинувшись впередъ, взялъ ихъ орудіе.

Едва шумъ утихло, Батуринъ лепишь на крыльяхъ неуспрашимости къ другому мѣсту, гдѣ Поляки изъ прехъ орудій спрѣляли на одно Русское, у коего всѣ почти канонеры были побиты и орудіе оставлено. Батуринъ съ другими Офицерами бросился, и успоялъ такъ, что оставленное орудіе начало дѣйствовать, а между тѣмъ онъ же закричалъ солдатамъ, чпобъ съ другаго двора напали во флангъ Польскимъ орудіямъ. Примѣпя сіе Поляки, начали съ орудіями опспупать. Батуринъ горя любовію къ Опечеспву и вѣрностію къ Великой Екатеринѣ, съ обнаженною саблею, кинулся на одно

Поляковъ регулярныхъ войскъ пять тысячъ, до придцати тысячъ мужиковъ и мѣщанъ вооруженныхъ и болѣе ста орудій. Женскій полъ такъ же дѣйствовалъ прошивъ Россіянъ.

орудіе, за нимъ бросилось и нѣсколько солдатъ; но недобѣжавъ шаговъ десяти, проспрѣлили храброму Бапуруину правую ногу; онъ палъ, но свидѣтели его мужества съ Маіоромъ Депрерадовичемъ взяли сію пушку.

Бапуринъ пришедъ въ чувство, перевязавъ ногу, виденъ снова, осанистый на конѣ и какъ домъ начальника Русскихъ съ пылу окруженъ былъ Поляками. Бапуринъ палъ; солдаты увидя его, бьютъ уже съ неупомимымъ беспрашіемъ врага, выгоняютъ онаго со двора, заваливаютъ по повелѣнію его ворота, и спрѣльба въ домахъ на пропивной улицѣ умолкла. *Такъ поступаютъ Россіяне*, имѣя Бапурина или ему подобныхъ предводителями.

Солнце склонялось къ западу, когда Подполковникъ Типовъ съ однимъ баталіономъ шелъ соединиться съ главнымъ корпусомъ; Бапуринъ вывозитъ на улицу орудіе, и сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ картечами, способствовалъ мужественному Типову съ онымъ соединиться.

Я пропускаю малости, свойственныя каждому храброму Офицеру всѣхъ наро-

довъ; но скажу, что когда всѣ, и самъ Главнокомандующій, хопѣли на договоръ сдаваться, и уже нѣсколько прубачей къ непріятелю посылали, Бапуринъ *) пропившися, и подобно Ксенофону, взялъ на себя совершить возвратный походъ изъ города, говоря: „Русскіе или бьютъ, или съ оружіемъ умираютъ!“ Опдавъ приказы, по какимъ улицамъ должно идти, самъ подъ карпечными выспрѣлами повелѣвалъ; всѣхъ съ двора Комисіи проводя, послѣдній съ онаго выступилъ, не смотря на то, что съ прехъ споронъ нападеніе было. Въ семь мѣспѣ Бапуринъ говоришь свидѣтелямъ своего мужества, знаній и присупствія ума: „Ребята! храбрыхъ солдатъ всегда меньше, погибаетъ, и одинъ только способъ живыми остаться, сквозь городъ пробиться; ежели же не удастся, умремъ храбрыми Россіянами. Знайте, что Поляки ни кому пардону не даютъ!“ Солдаты закричали: идемъ, идемъ, не робѣемъ.

Казалось, что все исполнится по предписанію Бапурина: но Генерала что-то

*) Онъ былъ дежурнымъ Маіоромъ при Главнокомандующемъ.

уѣрилъ, и не по тѣмъ улицамъ пошли, по копорымъ было означено, и на конецъ въ такое узкое мѣсто завели, что улица не ширѣ двухъ сажень; на ней стоятъ два орудія Польскихъ, и картечами вдоль оной производятъ стрѣльбу. Къ тому же солдаты увязали въ грязи; съ обѣихъ сторонъ въ семь узкомъ проходѣ дома были наполнены обоего пола людьми, кои также сильной огонь бросали на Русскихъ; бревна низвергаемы были, женскій полъ кипяткомъ обливаль. Батуринъ соединясь съ западнымъ полкомъ, ужаснулся, и видя, что разсуждать не время, вскричалъ: „*Ребята! друзья! ура! ура! за мною!*“ и бросился на пушки, солдаты за нимъ; но недобѣжавъ нѣскольکو шаговъ до оныхъ, почти всѣ были побиты; Батуринъ остался живъ, копорый, хопя и кидался нѣскольکو разъ впередъ, никто ни съ мѣста. Тѣснопа въ улицѣ привела въ замѣшательство рапниковъ; однако уговариваніемъ, прозьбою, возвратилъ нѣкопорымъ мужество, и они выстрѣливъ, побити нѣскольکو канонеръ, остальные не уступали, будучи оборонены перекрестнымъ огнемъ съ домовъ, и лишь Русскіе

подвинулся, выстрѣлы картечные положиша всѣхъ. Тупъ опять Генералы хотѣли сдаваться, по тому что съ пылу облегли Россіянъ.

Между тѣмъ Батуриный, внимая только гласу чести, съ храбрѣйшими солдатами впередъ подвигался, и подошедъ близко къ орудіямъ, со слезами уговаривалъ солдатъ иппи за нимъ; но они въ такую робость приведены были, что нейдутъ съ мѣста. Тогда истинно Русской, чести храбрыхъ, Батуриный повпоряю, вырываетъ правою рукою знамя у знаменосца, не смотря, что лѣвая рука его въ сей улицѣ была прострѣлена и палецъ опорванъ пулею; кровь обаграла всего, но онъ не чувствуетъ боли, не видитъ крови; душа его исполняется славою Опечеснва, Е к а т е р и н ы, своею. Умереть за Опечеснво, поржеснво Батурина. Онъ кричитъ солдатамъ: *Молодушныя! вы недостойны имѣть знамена. Я лучше хочу честно умереть, нежели съ вами служить.* Сіи слова имѣли свое дѣйствіе, бросились за Батуринымъ, и канонеры Польскіе оставили орудія, и пальба съ домовъ прекратилась.

По другимъ улицамъ такъ же были разспавлены орудія, должно было ихъ браши, и Бапуринъ видя робость ратниковъ Рускихъ, нашелъ способы возврашии имъ храбрость. Такимъ усиліемъ воспрѣчая тысячу смертей, продрались сквозь городъ сперва не болѣе двадцати человекъ, а вскорѣ около шестии сотъ присоединились къ Бапурину, которыхъ сей герой остановилъ и поставилъ за воспрѣтившимся болопомъ, а между тѣмъ конница проскакала сквозь ихъ и опѣхала.

Бапуринъ вскочилъ на лошадь, поскакалъ къ Прусской конницѣ, которая начала показываться, чіпобъ она подала имъ помощь. Когда мужеспвенный Бапуринъ сажился на лошадь, шагахъ въ десяти уланы проскакали, палили, но Богъ сохранилъ Бапурина, и онъ только лишился пальца, и черезъ нѣсколько мѣсяцовъ излѣчась опъ ранъ своихъ въ Кенигсбергѣ, явился опяиъ на полъ славы подъ начальспвомъ великаго, неподражаемаго, вѣчно побѣдоноснаго Суворова, и получилъ за многія дѣла кресъ чепвертой степени ордена св. Георгія побѣдоносца. Походъ кончанъ въ Польшѣ, Бапуринъ Под-

полковникомъ полешѣль въ Персію, подѣ начальствомъ храбраго всѣми любимаго Графа Валеріана Александровича Зубова.

Х А Р И Т О Н О В Ъ.

1812.

Просвѣщеніе нужно, необходимо, и Сократъ сказалъ, что просвѣщеннаго человека опъ невѣжи опличать должно, какъ живаго опъ мертваго; но Сократъ подѣ словомъ, просвѣщеніе, конечно *не разумѣлъ Французское нынѣ господствующее просвѣщеніе*; (на развратѣ основанное) онъ почипалъ въ Греціи, а мы издавна въ Россіи, что попъ только просвѣщенъ, кто любитъ свою родину, повинуется своему Государю, выполняетъ въ точности обязанности свои, имѣя въ предметѣ пользу Отечеству, Государя, ближняго. Харитоновъ, унтеръ-офицеръ 18 Егерскаго полка, безъ образованія *нынѣшняго*, увѣковѣчилъ имя свое въ попомствѣ.

Харипонову начальство поручило охранять небольшое количество провiанта при селеніи Дворищѣ, лежащемъ въ Полоцкомъ повѣтѣ; четверо рядовыхъ даны были ему въ помощники. Злодѣи Французы, изнуренные голодомъ, вездѣ разсылали свои разбойничьи отряды грабить, и узнавъ о вышесказанномъ магазейнѣ, спремѣтельно напали на оный; но Харипоновъ успѣлъ окопаться валомъ, и ружейными выстрѣлами прогонялъ *порожденіе Бонапартьево и революціи*. Французы озлились, и 25 Августа болѣе трехъ сотъ изъ оныхъ, разграбивъ селеніе, непременно хотѣли овладѣть магазейномъ; нападають, кричатъ, чтобъ Русскіе сдались; Харипоновъ вмѣсто отвѣта со своими чепырма товарищами посылаетъ имъ мѣшкія пули, убиваетъ нѣсколькихъ, ранитъ нѣкоторыхъ и до самой ночи удерживаетъ непріятеля въ страхѣ. На другой день засѣвъ опять въ кустахъ, Харипоновъ продолжаетъ стрѣлять; но видя, что число Французовъ увеличивается, и что ему никакъ не возможно защищаться, уступилъ алчнымъ Французамъ провiантъ, а самъ зная, что не въ дальномъ расіпоянiи

стоитъ драгунской полкъ, предается бѣгству, проситъ помощи. Внявъ его просьбу, поручаютъ ему Харитонову 50 драгунъ; онъ лепитъ на враговъ, бѣжитъ, опинается порученное ему въ сморънѣе и забираетъ всѣхъ почти въ плѣнъ. Дѣйствіе Харитоново заслуживаетъ всякаго вниманія отъ мыслящихъ особъ, хотя онъ и не говоритъ по Французски.

БАГГОВУТЪ.

Жить безъ пользы, значитъ пятачить землю; умереть — также не мудро; но лишиться жизни защищая Отечество и Государя, есть та смерть, копорой только и можно позавидовать. Безсмертный Князь Г. Купузовъ-Смоленскій, спаситель Отечества, пролилъ слезы о героѣ Багговутѣ, и сказалъ: „жаль, что не пожилъ, а то былъ бы хорошимъ предводителемъ войскъ.“ Должно справедливо отдать Багговуту; онъ въ себѣ заключалъ мужество, правоту сердца, благородство души, благоразуміе и человеколюбіе; убитъ къ несчастію въ сраженіи при Чернишней, 1812. — Величіе души Багговута увидитъ читатель въ слѣдующихъ спрочахъ:

Въ войну 1807 года прошивъ Французовъ Главнокомандующій Россійскими войсками разположилъ оныя около мѣстечка Спрекочина, Чернова и Новаго Мѣста. Французы переправясь черезъ Вислу, заняли лѣвый берегъ сей рѣки. Генераль Багговушъ начальствовалъ въ то время частію передоваго полка или авангарда; рѣка Вкра отдѣляла его пикеты отъ непріятельскихъ. Осматривая свои передовые караулы, онъ увидѣлъ на другомъ берегу рѣки двухъ Французскихъ Офицеровъ, и далъ имъ знакъ, что хочеть съ ними говорить. Когда они подошли къ своему берегу на такое разстояніе, что могли съ нимъ разговаривать, онъ предложилъ имъ, заперши часовымъ, стоящимъ въ передовой цѣпи, стрѣлять по нашимъ, обѣщая со своей стороны тоже, дабы прекратить бесполезное кровопролитіе, и стрѣльбою не беспокоить обѣихъ армій. Французы съ удовольствіемъ приняли предложеніе; но во время сего переговоровъ Генераль Багговушъ вынимая платокъ, нечаянно махнулъ онымъ. Русской егеръ, стоящій позади на часахъ, почелъ сіе сигналомъ,

приложился, выстрѣлилъ, и убилъ одного изъ Французскихъ Офицеровъ, который упалъ къ ногамъ изумленнаго его товарища. Генералъ Багговутъ оцѣпенѣлъ — досада и гореснь изображались на лицѣ его, а мысль о подозрѣніи, которое сей случай можетъ навлечь на Русскихъ, терзала его сердце. Окружающіе его были поражены ужасомъ — съ обѣихъ споронъ безмолвствують, на конецъ Багговутъ прерываетъ молчаніе, и приближаясь къ рѣкѣ, говоритъ оставшемуся непріятельскому Офицеру: „Милоспивый государь! вы видите, что эптоъ несчастный случай произошелъ опъ ошибки. Русскіе неспособны къ вѣроломству; чпобъ доказать сіе — *вотъ я не сойду съ мѣста, стрѣляйте въ меня, и на мнѣ отмити-те нецмысленный поступокъ моего гасоваго!* Уже непріятельскій часовой взвелъ курокъ, приложился; но рука Французскаго Офицера оппалкиваетъ ружье и выстрѣлъ въ спорону. „Непронъ Героя, Героя непріятели, говоритъ Офицеръ *); пусть живетъ онъ для славы своихъ со-

*) Конечно сей Офицеръ воспитанъ былъ не въ звѣрской школѣ Бонапаріія.

гражданъ!“ Такъ, онъ жилъ для славы ихъ, и геройскою своею смертію, увѣнчалъ благородные свои подвиги. Миръ праху его.

О С Т Е Р М А Н Ъ

П Р И

ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ.

Любовь къ Опечеспву и преданность къ Государю своему дають силу душѣ и распроспраняють разумъ. Сіе можно читашъ въ нижеслѣдующихъ спрокахъ.

Шведы изнуренные войною просили мира. Петръ Великій, давно желавшій онаго, поручилъ Графу Осперману при заключеніи Нейшпатскаго мира, настоятельно требовать Выборга Россіи, но съ осторожностію и не прерывать для сего мирныхъ переговоровъ.— Дѣловецъ Государспвенный, дѣловецъ Петра Великаго, поспигая важность сего завоеванія, не упускалъ въ донесеніяхъ своихъ представлять, сколь нужно за собою удержатъ мѣсто оное, и ручался, что Шведы на

конецъ согласится уступить сей городъ. Однако онъ зналъ образъ мыслей своего Государя, равно и склонность Ягужинскаго, который въ переговорахъ о мирѣ, по гордости своей, желая представить собою первое лице, опасался уступить Шведамъ Выборгъ, особенно по тому, что Императоръ неперпѣливо желалъ окончанія войны. Для сихъ причинъ, не упуская изъ виду пользы Государственныхъ, уговорился съ другомъ своимъ Шуваловымъ, начальствующимъ въ Выборгъ, что когда Ягужинской конечно самъ привезетъ послѣднее повелѣніе Государя, то бы попросилъ его къ себѣ въ гости, и удержалъ какъ можно долѣе; а ему Остерману далъ бы о семъ знать.

Ягужинскій любя почести и угощенія, промедлилъ въ Выборгъ два дни, Остерманъ же увѣдомленный о всемъ отъ Шувалова, не теряя времени, объявилъ Шведскимъ Министрамъ, что получилъ повелѣніе заключить миръ въ 24 часа, или прервать мирные переговоры. Сіе объявленіе произвело желаемое дѣйствіе; Шведы согласились на уступку Выборга и договоръ о семъ до пріѣзду Ягужин-

скаго утверждень и подписанъ, къ чести Россіи, къ славу разума Остермана. Можно почтить Остермана, сверхъ тонкости и ума, и за безкорыстіе, по тому что Петръ Великій при заключеніи мира вручилъ ему сто тысячъ червонныхъ, дабы въ случаѣ нужды употребить оныя на пользу Отечеству; Остерманъ возвратилъ девяносто тысячъ бережливому Государю. *Счастлива та страна, гдѣ много Остермановъ.*

Выгоды полученные Россіею при заключеніи Нейштадтскаго мира Петръ Великій приписывалъ дѣловцамъ Государственнымъ, и не опшнмалъ славы опъ Остермана; и сіе подтвердилъ въ присутствіи многихъ, говоря съ Минихомъ.

КНЯЗЬ МЕНШИКОВЪ.

ВСЕГДА СЛАВНЫЙ, А ВЪ ССЫЛКѢ ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Частыя несправедливыя сужденія о Князѣ Меншиковѣ и рѣшительныя заключенія о споль знаменитомъ человекѣ, при-

чиною, что я хочу представить благо-
 разумнымъ чинамъ кончину его, до-
 стойную великаго человека; между тѣмъ
 кратко скажу объ услугахъ сего Князя,
 оказанныхъ Опеческу и Государю; не
 пощажу также его и въ погрѣшностяхъ,
 но и не умолчу предъ вами, кои грубо
 ошибаясь, твердите: Меншиковъ ни что
 иное былъ, какъ любимецъ слѣпца при-
 хопливаго щасія. Вы такъ говорите на-
 чинавшись или иностранныхъ книгъ, или
 записокъ личныхъ враговъ его. Бѣдныя!
 или вы забыли, что Меншиковъ былъ лю-
 бимецъ Петра Великаго, слѣдователь-
 но, самой мудрости; или вы не знаете,
 что онъ носилъ на себѣ милости Олца
 Опеческа, слѣдовательно имѣлъ досто-
 инства, безъ которыхъ не могъ бы столь
 долго быть правою рукою величайшаго
 изъ Монарховъ во всѣхъ дѣлахъ и об-
 стоятельствахъ; или вы забыли, что ко-
 гда въ особенной Комисіи, гдѣ предсѣ-
 дательствовалъ Князь Василій Владимиро-
 вичъ Долгоруковъ, и гдѣ разсматривали
 дѣла, касающіяся до Князя Меншикова
 по доносамъ, заготовлено уже было и
 опредѣленіе, которымъ Меншиковъ осуж-

день на позорную смерть. ПЕТРЪ взявъ въ руки опредѣленіе, спрашиваетъ: что надлежитъ дѣлать? Князь Долгоруковъ отвѣчаетъ: подписать, Государь. Хорошо, сказалъ великій человѣкъ со слезами на глазахъ; Я подпишу, и въ то же время, обратясь ко всѣмъ присудившимъ, трогательнымъ голосомъ продолжалъ: „Гдѣ дѣло идетъ о жизни или о чести „человѣка, то правосудіе пребудетъ взвѣ- „ситъ на вѣсы безприспастія, какъ пре- „спупленіе его, такъ и заслуги, оказан- „ныя имъ Отечеству и Государю: и бу- „де заслуги перевѣсятъ преспупленія то „въ такомъ случаѣ, милость должна хва- „литься на судѣ. Однако Я подпишу опре- „дѣленіе, вами заготовленное; но знайте, „что жизнь Меншикова сопряжена съ мо- „ею; лиша его живота, вы лишитесь Ме- „ня.“ Да живетъ Князь Меншиковъ! всѣ громогласно воскликнули.

Послѣ сего случая, уже ли кто найдется оспаривать меня въ томъ, что Меншиковъ обыкновенный человѣкъ, слѣпымъ щастіемъ возвышенный? Любовь, столь нѣжная Монарха единственнаго,

служить неопровергаемымъ доказательствомъ его достоинства.

Слѣдую изустнымъ преданіямъ, должны сказать, что Меншиковъ представляетъ собою разительный примѣръ щастія; рожденный въ низкой долѣ, достигъ до первыхъ чиновъ по Государству. Неизвѣстенъ *) годъ его рожденія, а только говорятъ, что родилъ сего необыкновеннаго

*) Трудлюбивъ и, почтенный господинъ Голиковъ пишетъ, что славный Меншиковъ родился въ Москвѣ 1674 года, отъ бѣднаго Польскаго Шляхшича, служившаго при Царской Конюшнѣ въ Спряманныхъ, и что оставшись послѣ отца въ дѣтствѣ, лишился и послѣдняго малаго его имуществва, и принужденъ былъ искать себѣ пропитаніе у одного изъ Московскихъ пирожниковъ. Онъ живя у него, разносилъ по улицамъ пироги, и приѣвами своими привлекъ на себя вниманіе господина Лефорша. Свѣтлой голосъ, и живость его, полюбились ему; онъ спросилъ его: не хочетъ ли онъ принять у него службу? Предложеніе охотно было принято въ 1686 году. Проворство его скоро было замѣчено младымъ Петромъ Первымъ. Онъ взялъ его къ себѣ и записалъ въ пошшную свою роту солдапомъ. Природныя его дарованія, ревностное прохожденіе службы, и точное исполненіе всего возлагаемаго на него, сдѣлали его отъ особы Монаршей неоп-

человѣка, будучи пирожникомъ, получилъ повелѣніе, выстроитъ передъ Кремлевскимъ Дворцомъ прилавокъ торговой, и видя, что сынъ его Александръ достигъ тѣхъ лѣтъ, въ которыя можетъ уже помогать ему въ его промыслѣ, посылалъ продаваъ по улицамъ Московскимъ свои пироги. Юный Меншиковъ, при спанномъ станѣ, былъ чрезвычайно хорошъ и опрятенъ, вѣчно веселъ, скоръ, умѣлъ пакъ смѣшно кричать съ припѣвами: пироги горячи, что обращалъ вниманіе мимо идущихъ; на вопросы опрѣчалъ опривиспо и ясно, и такимъ образомъ продавалъ каждой день пироговъ на довольное количество денегъ.

Смѣливый Меншиковъ усмотря, что на Дворцовой Дворъ доходно ему ходитъ, учащалъ шуда почти ежедневно. Гвардейскіе солдаты находили себѣ заба-

лучнымъ, и пріобрѣли всю его довѣренность. Такимъ образомъ время отъ времени возвышаясь, онъ достигнулъ на конецъ до первыя степени чиновъ и богатства, и домъ его представлялъ, по волѣ Самодержца нелюбившаго пышности, великолѣпіе Царскаго Двора, въ которомъ отправлялися почти всѣ публичные церемоніалы и празднества.

вою, шупишь съ нимъ. Юный Меншиковъ съ своей стороны прилагалъ все свое стараніе, дарованіями своими забавляя ихъ, получаешь значную прибыль по тогдашнему состоянію своему. Можно сказать, что іщаспие, часто исполняющее свои прихоти, скоро извлекло Меншикова изъ сего недоспойнаго словія.

Въ сіе время Петръ I еще былъ въ тѣхъ іщаспливыхъ лѣпахъ, когда не краснѣюшь занимаясь и неважными дѣлами; онъ каждый почти день изъ оконъ своихъ покоевъ видя молодого пирожника, находилъ удовольствіе, въ праздные часы слушаешь его оспрыя шутки, нечувствительнѣно полюбилъ, и нѣкопорымъ образомъ приуготовилъ себя, брать участіе въ судьбѣ его.

Неизвѣстнѣно, імянно въ какой день, но сей день былъ предвѣспникомъ будущаго величія Меншикова. Одинъ Гвардейскій солдатъ разсердясь на съ лишкомъ колкія шутки молодого Меншикова, подралъ его за уши; Меншиковъ опъ боли такъ громко закричалъ, что Петръ I во Дворцѣ Своемъ услыша необыкно-

венный пронзительный крикъ, выглянуль въ окно, и послалъ въ тоже время одного Офицера, извлечь изъ солдатскихъ рукъ пирожника и представить предъ Себя. Меншиковъ съ заплаканными глазами, безъ всякаго снраха, съ смѣлымъ видомъ представль чувствительному Монарху. На всѣ вопросы, дѣланные ему Царемъ, отвѣчалъ кратко и замысловато, а при томъ не упустиль случая показать свою остроуму въ шуткахъ. Присутствующіе и самъ Государь нашли много ума въ непросвѣщенномъ мальчикѣ. Петръ I тогда же рѣшился взять его къ Себѣ въ услуженіе, комнатнымъ Пажемъ, и приказалъ немедленно одѣть его по придворному. Чрезъ нѣсколько часовъ повелѣніе Государево было исполнено, и Меншиковъ явился въ новомъ одѣяніи къ удовольствію своего Монарха, который обласкавъ его, взялъ Самъ на Себя трудъ (хотя нѣсколькими лѣтами былъ старѣе Меншикова) образоватъ дары, природой данные, на пользу Себѣ и Отечества.

Въ первыхъ придворныхъ чинахъ Меншиковъ не долго оставался; Государь

возвышалъ его, и вскорѣ Меншиковъ не
 оплучался отъ лица Петра I до того,
 что вездѣ сопутствовалъ Его Величе-
 ству, даже въ Верховный Совѣтъ; и не
 рѣдко случалось, когда разсуждали о ка-
 комъ-нибудь важномъ дѣлѣ, вступать въ
 разговоръ и предлагать свое мнѣніе дѣ-
 ловцамъ Государственнымъ, съ такою
 пріятностію, умомъ, и такъ осторожно,
 что казалось ни кому не прекословилъ,
 а дѣло совершалось по его желанію. По-
 добныя обстоятельства доказывали его
 природной разсудокъ, и въ тоже время
 сильную любовь ко благу Отечества и
 своего Государя, благодѣтеля. Такимъ о-
 бразомъ молодой Меншиковъ поступая,
 со дня на день пріобрѣталъ довѣренность
 и благоволеніе Петра Алексѣевича. Но
 слѣдующее обстоятельство, навсегда
 обратило Монарха къ Своему подданно-
 му. Меншиковъ содѣлался необходимымъ
 человѣкомъ для мудраго Отца Отечества,
 исполняя Его вѣлѣнія, подавая полезные
 совѣты, и сохраняя Великаго Госуда-
 ря отъ злоумышлявшихъ на жизнь Его.
 Однажды случай привелъ Меншикова въ
 одинъ пракширь, гдѣ спустя малое время,

онъ услышалъ въ другой комнатѣ двухъ мужчинъ нѣсколько съ жаромъ говорящихъ. Любопытство приблизило его къ дощатой перегородкѣ, онъ началъ подслушивать, но вниманіе его усугубилось при частомъ повторахъ имени драгоценнаго для него человека, Государя. Онъ узналъ о заговорѣ пропивъ своего Монарха. Тотъ же часъ поспѣшилъ во Дворецъ, увѣдомилъ Петра I о слышанномъ. Государь успѣлъ захватить злодѣевъ на томъ самомъ мѣстѣ, куда Меншиковъ Его повелъ. Ихъ допросили, они признались, открыли и другихъ злодѣевъ. Всѣ были преданы казни, заговоръ уничтоженъ, а къ Меншикову увеличилась благосклонность Монаршая и любовь общая.

Сей умный человекъ предвидя, что безъ познаній неможенъ удержатъ то мѣсто, куда опредѣлилъ его случай, началъ съ великимъ прилежаніемъ учиться всѣмъ наукамъ. Особенно прилагалъ стараніе пріобрѣсти глубокія свѣдѣнія въ политикѣ и въ искусствѣ воинскомъ. Прилежаніе его было поддерживаемо природными дарами; можно сказать, что все

уступало его разуму, и Меншиковъ къ изумленію всѣхъ вскорѣ содѣлался глубокомысленнымъ полиптикомъ, и не разъ доказалъ свѣту, что онъ неустрашимый воинъ, оспорожный и искусный полководецъ. Въ 1703 году сей любимецъ Царевъ и соприудникъ въ великихъ Его предпріятіяхъ пожалованъ Княземъ и сдѣланъ Намѣстникомъ и Правителемъ всей Ижорской спраны или Ингерманландіи, а прежде сего украшенъ уже былъ орденъ Святаго Андрея Первозваннаго.

Мы не будемъ говорить о многихъ сраженіяхъ, выигранныхъ побѣдоноснымъ Россійскимъ оружіемъ подъ предводительствомъ славнаго Шереметева и другихъ Полководцевъ надъ Шведами, гдѣ участвоваль и Князь Меншиковъ; а скажемъ, что побѣды подъ Калишемъ надъ Мардофельдомъ въ 1706 году Октября 19 дня, и подъ Лѣснымъ близъ Шклова въ 1708 Сентября 28 дня надъ Левенгауптомъ, свидѣтельствуютъ о тѣхъ обширныхъ свѣдѣніяхъ воинскихъ, коими обладалъ Меншиковъ, и о неупомимыхъ пиродахъ, подъемлемыхъ для пользы Опе-

чества. *) Такъ какъ и разбитіе Шведовъ при рѣкѣ Ворсклѣ въ 1709 году и взятіе въ плѣнъ 30 Іюня того же года послѣ Полтавской побѣды болѣе 13 тысячъ Шведовъ, никому другому не должно приписать, какъ сему Герою, копорый умѣлъ съ успѣхомъ выполнятъ и предвидѣтъ великія, обширныя и много-различныя намѣренія своего Императора. Даже безсмертную славу, пріобрѣтенную совершеннымъ пораженіемъ Шведскаго Короля Карла XII подъ Полтавою, Государь раздѣлялъ съ достойнымъ любимцемъ своимъ Княземъ Меншиковымъ.

*) Петръ Великій о Лѣсномъ дѣлѣ слѣдующее написалъ собственною рукою: „Сія у насъ побѣда можетъ первая назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало, къ тому же еще гораздо меньшимъ числомъ будучи предъ непріятелемъ, и по истиннѣ она, всѣхъ благополучныхъ послѣдованій Россіи, понеже первая проба солдатская была и людей конечно ободрила, и мать Полтавской башали, какъ ободреніемъ людей, такъ и временемъ: ибо по девяти-мѣсячномъ времени оное младенца счастье произнесла, егда совершеннаго ради любопытства кто желаетъ исчислить, отъ 28 Сентября 1708 до 27 Іюня 1709 года.“ Выписано изъ журнала Петра Великаго.

*

Человѣкъ рѣдко бываетъ доволенъ. Богатство и почести увеличили болѣе и болѣе желаніе Меншикова возвыситься и обогатиться. Онъ имѣлъ миліоны рублей и былъ владѣтель по словамъ иностран- ныхъ писателей столь обширныхъ земель, что говорили, ежели сему щастливому любимцу великаго Монарха вздумалось бы ѣхать изъ Риги въ Дербентъ, что въ Персіи, то онъ бы всегда могъ ночевать въ своихъ помѣстьяхъ; по словамъ же ихъ Меншиковъ владѣлъ 50 тысячами семей. Несчетное богатство полученное въ Опеческѣ отъ своего Государя немогло его удовлетворить; онъ хотѣлъ имѣть и отъ иностранныхъ Государей. По чему всѣ тѣ Державы, кои или боялись Петра Великаго, или ожидали чего-нибудь отъ Него, или для сохраненія согласія, искали прежде покровительства Его любимца. Императоръ Австрійскій Леопольдъ пожаловалъ его Имперскимъ Княземъ, и Княжество Кассель въ Силезіи. Короли, Датскій, Прусскій и Польскій украсили его своими орденами, и чѣмъ болѣе обратили его на себя вниманіе, къ орденамъ присовокупили довольно значи-

пельные пенсіоны. Всякой разъ, когда иноспранные Дворы имѣли нужду въ его предспапельспзѣ у преспола Россійскаго Императора, посылали ему богатые подарки, состоящіе въ золотой или серебряной посудѣ, въ брилліанпахъ и другихъ драгоцѣнныхъ вещахъ. Увѣряюшъ, что Меншиковъ болѣе имѣлъ брилліантовъ, нежели въ его время какая коронованная Глава. Князь Меншиковъ не рѣдко украшалъ себя всѣми своими орденами. Французской Король извинялся, что не можетъ доставить ему орденъ Святаго Духа, по тому, что онъ не Каполикъ; однако ему присланы были дорогой цѣны подарки. Императоръ Австрійскій къ Княжеспву присовокунилъ шипло Вьсоче-спва.

Съ каждымъ днемъ жизни своей, Князь Меншиковъ пріобрѣшалъ болѣе и болѣе любовь своего Монарха и великую силу въ дѣлахъ Имперіи.

Кончина Опца Опечеспва, Петра Великаго, воспослѣдовавшая въ 1725 году Генваря 28 дня, ввергла Россію въ глубокое уныніе; но Провидѣніе Божіе оп-

вращило всѣ злоумышленія прошивъ правленія.

ЕКАТЕРИНА I, достойная Супруга ПЕТРА Великаго, наслѣдовала Ему и управляла премудро, сохраняя печеніе дѣлъ въ томъ положеніи, въ какомъ оставилъ Ей Императоръ. Князь Меншиковъ будучи Фельдмаршаломъ, не токмо удержалъ могущество свое, каковымъ пользовался до сего времени, но еще вѣще усилился.

ЕКАТЕРИНА I. по двухлѣпнемъ царствованіи скончалась въ 1727 году 17 Маія. По ней вступилъ на престолъ наслѣдственнымъ порядкомъ внукъ ПЕТРА Великаго, ПЕТРЪ II. Алексѣевичъ, рожденный въ 1715 году отъ несчастнаго Алексѣя Пепровича и Приицессы Вольфенбишпельской.

ЕКАТЕРИНА I. оставляя на престолѣ обширнѣйшаго Россійскаго Государства ПЕТРА II, которому тогда было одиннадцать лѣтъ и шесть мѣсяцовъ, долгомъ поставила Себѣ, во второмъ пунктѣ духовной Своей завѣщанія, чтобъ Императору быть подъ опекою Правительства, до шестнадцатаго года. Члены сего Правительства были дочери Им-

ПЕРАТРИЦЫ, Анна Пепровна и Елиса-
 вета Петровна, Герцогъ Голшпинскій
 Супругъ Принцессы Анны, Принцъ Гол-
 шпинскій Епископъ Любскій, обрученный
 женихъ Принцессы Елисаветы, и при-
 существующіе въ Верховномъ Совѣтѣ:
 Фельдмаршалъ Князь Меншиковъ, Гене-
 раль - Адмираль Апраксинъ, Великій
 Канцлеръ Графъ Головкинъ, Вицъ-Канц-
 леръ Графъ Остерманъ; Тайные Дѣй-
 ствительные Совѣтники: Князь Дми-
 трій Михайловичъ Голицынъ и Князь
 Василій Лукичъ Долгоруковъ. Сіе Прави-
 тельство только одинъ разъ имѣло пол-
 ное свое собраніе въ день кончины Им-
 ператрицы Екатерины I, гдѣ инаго
 ничего не сдѣлано, какъ только утвер-
 ждена духовная, копорая черезъ два ча-
 са послѣ того и нарушена; по тому что
 въ оной именно повелѣно было, всѣ дѣла
 рѣшиль по большинству голосовъ; что
 ни какъ не сходствовало съ намѣреніа-
 ми Князя Меншикова, копорый хотѣлъ,
 чтобъ рѣшеніе всякихъ дѣлъ непосред-
 ственно отъ него одного зависѣло, а
 прочіе бы повиновались его повелѣніямъ.

Ему не трудно было исполнить сіе намѣреніе, по тому что ни кто не смѣлъ пропивиться, чтобъ не подпастъ гнѣву его, и слѣдственно своей гибели. Со времени кончины Петра Великаго, по Императрицѣ вся власъ была у него въ рукахъ; а дабы удержасть на всегда оную, то упросилъ Императрицу, въ живѣ еще бывшую, назначить одну изъ дочерей его въ невѣсты Императору; о чемъ Ея Величество и въ духовной Своей особливимъ пунктомъ завѣщала.

Въ самой день кончины Императрицы Меншиковъ перевезъ къ себѣ въ домъ жить Императора, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ къ сему Государю никто не могъ имѣть доспуа.

Петръ II освободилъ Бабку Свою, Царицу Евдокію Ѳеодоровну Лопухину изъ Монастыря, въ копоромъ она находилась по повелѣнію Петра Великаго, Супруга Своего. Молодой Государь сдѣлалъ Ей шпанъ, Ея достоинству приличный, и просилъ Ее пріѣхать въ Санктпетербургъ; но Она видя, что не можетъ достигнуть до того, чтобъ Ей было поручено правленіе Государства, показала

наклонность къ уединенію, и разсудила лучше оспаться въ Москвѣ; по тому, что Князь Меншиковъ зная Ея коропко, уничижилъ всѣ виды честолобивые, и пресѣкъ Ей навсегда умомъ своимъ путь къ престолу.

Всѣ однако вышереченныя милоспи Императорскія оказаны были пропивъ воли Князя Меншикова, по предложенію членовъ Верховнаго Совѣта, копорые нашли благопріятный случай преклонить къ жалоспи Императора, отъ природы мягкосердаго, въ пользу Бабки Его и Ея ближнихъ родственниковъ. Хотя все сіе и не пріятно было Меншикову, однако онъ не хотѣлъ пому явнымъ образомъ пропивиться. Но не смотря на сіе, онъ пакъ умѣлъ снискать довѣренность Государя, и обладать Имъ, что не допускалъ никого къ Нему.

Меншиковъ зная, что не токмо не любимъ многими, но даже неперпимъ, употреблялъ всѣ минушы, дабы не поспигли его худыя слѣдствія, и съ великимъ пщаніемъ приводилъ себя въ такое положеніе, чтобъ невидимо опводилъ удары, готовые пасть на него.

Въ правленіе еще ЕКАТЕРИНЫ I, нѣ-
 сколько знапныхъ особъ сдѣлали заговоръ
 пропивъ него и желали, чпобъ ИМПЕРАТ-
 РИЦА удалила его опъ дѣль Государст-
 венныхъ. Къ исполненію сего замысла вы-
 брали они самое удобное время, оплучку
 Меншикова въ Курляндію, для учрежденія
 тамъ нѣкоторыхъ дѣль. По чему и
 удалось обнеспи его такъ ИМПЕРАТРИ-
 ЦЬ, чпо сія Государыня подписала уже
 и указъ, чпобъ взяпъ его подъ карауль
 на дорогѣ, прежде нежели онъ въ Санкт-
 пепербургъ возвратицца. Но первый Ми-
 ниспръ Герцога Голшпинскаго, Графъ
 Бассіевъ, чрезъ своего Государя склонилъ
 ИМПЕРАТРИЦУ, оказатъ милоспъ ему,
 вспомня, какія услуги оказалъ Менши-
 ковъ своему Опечеспву, Государю
 ПЕТРУ Великому и лично Ея Величе-
 ству. Меншиковъ по возвращеніи ко Двору
 увѣдомился о злоумышленіяхъ своихъ не-
 пріятелей; по чему и приказалъ весьма
 спрого о томъ изслѣдовапъ, такъ чпо
 всѣ единомышленники посажены подъ
 карауль и наказаны. Зяпъ Меншикова,
 Поршугалець Девіеръ, и Генераль Писа-
 ревъ *), претерпѣли жестпочайшее нака-

*) Не помъ, который былъ Прокуроромъ въ
 Адмиралшейской Коллегіи.

заніе и вмѣстѣ съ нѣсколькими знашнымы особами сосланы въ Сибирь.

Князь Меншиковъ не удовольствовался тѣмъ, что наказалъ своихъ непріятелей, а хотѣлъ, чтобъ казнь сія на всегда осталась памятна, дабы чрезъ то унять и тѣхъ, кои бы впредь ему вредить вознамѣрились; въ разсужденіи чего изъ Верховнаго Совѣта, по власпи его въ ономъ, публикованъ Манифестъ, чтобъ каждый остерегался входить во вредные умыслы; въ прошивномъ случаѣ виновные гораздо сего строже будутъ наказаны. Манифестъ сей изданъ былъ въ народъ 1727 года Іюня 6 дня, и въ самой томъ же день торжествовали при Дворѣ и въ городѣ обрученіе молодого Императора съ Марією Александровною, Княжною Меншиковою.

Послѣ сего празднества не токмо казалось Меншикову, что онъ достигъ до высочайшей степени чести и щастія; но онъ полагалъ, что все преодолѣлъ, и что оставалось только ему женить своего сына на Царевнѣ Напаліи Алексѣевнѣ, сестрѣ Императора, и сдѣлать его Герцогомъ Курляндскимъ. Такимъ обра-

зомъ думалъ онъ опъ всѣхъ опасностей освободиться, и уповалъ еще, что симъ проложивъ попомкамъ своимъ способъ со временемъ къ доспигенію Россійскаго престола. Сіе намѣреніе хотя хитро-благоразумно было вымышлено, но не удалось ему произвестъ въ дѣйство. Между тѣмъ Указомъ Императорскимъ былъ онъ объявленъ Генералиссимусомъ. Анна Петровна и супругъ Ея Герцогъ Голштинской поспупками Меншиковыми были доведены до того, что выѣхали изъ Россіи; но ихъ опъѣздъ не убавилъ число его непріятелей.

Въ предосторожность свою окружилъ Императора такими людьми, которые щаспемъ своимъ ему были обязаны. Но какъ онъ поспрасъ всѣми старинными фамиліями, а между тѣми, кои могли имѣть доступъ къ Императору, много было такихъ, которые съ прискорбіемъ видѣли въ ссылкѣ своихъ родственниковъ; то неупустили они при первомъ пристойномъ случаѣ внушить сему молодому Монарху, какую неограниченную власть имѣетъ надъ всѣми Князь Меншиковъ, и что безъ сомнѣнія надѣется онъ утвердить оную еще болѣе, сочетаніемъ Им-

ИМПЕРАТОРА со своею дочерью. При семъ просили Государя, никому сего не открывать; въ чемъ Его Величество далъ имъ Императорское слово, и скрывалъ до тѣхъ поръ, пока нашелъ случай явнымъ образомъ оказать свой гнѣвъ. Князь Меншиковъ, при обширномъ разумѣ и благоразуміи, самъ скоро подалъ поводъ къ своему паденію.

Сентября 17 дня упадокъ его оказался явнымъ. Санктпетербургскіе каменщики, не извѣстно при какомъ случаѣ, поднесли Императору девять тысячъ червонныхъ, которыми вздумалось Ему подарить сестру Свою Наталію. Молодой Императоръ послалъ къ Ней сію сумму съ однимъ изъ своихъ придворныхъ, съ которымъ повстрѣчавшись Меншиковъ, спросилъ: куда онъ несетъ тѣ деньги? и услыша отъ него, дерзнулъ сказать: Императоръ еще молодъ, и не знаетъ, на какое употребленіе нужны деньги; опиши ихъ ко мнѣ въ кабинетъ, а я найду случай объ оныхъ поговорить Государю. Придворный довольно зная, сколь опасно пропившись волѣ Меншикова, не смѣлъ его послушаться. На другой день по обык-

новенію навѣспила Цесаревна Императора, Брата Своего, и лишь вошла въ комнату и поздоровалась, Онъ спросилъ у нея: уже ли вчерашній подарокъ не заслуживаетъ благодарности? Цесаревна отвѣчала ему, что она рада благодарить, но не знаетъ причины, по тому что ничего не получала. Императоръ прогнѣвавшись, велѣлъ позвать придворнаго, и спрашивалъ, куда онъ дѣвалъ деньги, копорыя послалъ Онъ съ нимъ для врученія Цесаревнѣ? Онъ извинялъ себя шѣмъ, что Меншиковъ оныя у него опнялъ; чѣмъ Императора пропивъ сего дѣловца Государственнаго и болѣе нагнѣвъ подвигнулъ. Онъ приказалъ въ тотъ же часъ призвать Меншикова и грознымъ видомъ спросилъ у него, какъ онъ осмѣлился недопустить посланнаго отъ Него исполнить Его повелѣніе? Меншиковъ не привыкши къ столь грозному тону со времени кончины Петра Великаго, пораженъ онымъ былъ какъ громовымъ ударомъ. Однако жъ отвѣтствовалъ, что сдѣлалъ оное по необходимости, для того что въ деньгахъ Государство нуждается, а казна испощена, и что онъ

въ томъ же день намѣренъ былъ представить Его Величеству, какимъ образомъ тѣ деньги съ пользою могли бытъ употреблены; но естъли, возвыся голосъ, гримолвилъ при томъ, Ваше Величество приказать изволише, то я не доволю чпо тѣ деньги девять тысячъ червонныхъ вручу, да и сверхъ того до миліона рублей собственныхъ денегъ выдамъ. Симъ опевѣтомъ Императоръ не только чпо не доволенъ былъ, но и съ великимъ гнѣвомъ сказалъ ему: Я тебя научу знать, чпо Я Императоръ, и хочу, чпобъ Меня слушались. Послѣ сего поворохъ, пошелъ отъ него. Меншиковъ за нимъ слѣдовалъ, признавая себя виновнымъ, и неотступною прозъбою умилоспивилъ на конецъ Императора; однако жъ не долго сіе продолжалось.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего Меншиковъ занемогъ опасно; по чему Верховный Совѣтъ поручилъ воспитаніе, или лучше сказать, надзоръ надъ младымъ Императоромъ Князю Василю Лукичу Долгорукову. Сей для утѣшенія Императора приводилъ ежедневно къ Не-

му Ивана Алексѣевича Князя Долгорукаго, сына Алексѣя Григорьевича, почпи однолѣпняго; также Цесаревна Елисавета Петровна, Тетка Его Величества, имѣла доступъ къ Императору. Таковая жизнь нравилась Его Величеству, и онъ такъ полюбилъ юнаго Долгорукаго, что лишь проснулся, въ поже время пошлепъ за нимъ. Князь Василій Лукичъ не упустилъ сего случая употребить въ пользу свою; онъ училъ сына Алексѣя Григорьевича, какъ должно говорить съ Императоромъ, и пѣмъ пріугоповишь неминуемую гибель Князю Меншикову. Юный Долгоруковъ не токмо внушенія Кн. Василя Лукича исполнялъ съ почтностію, но даже познакомилъ сеспру свою Екашерину съ Императоромъ, копорую Его Величество спрашно полюбилъ и назначилъ самъ Себѣ въ невѣсты по изгнаніи Меншикова съ фамиліею.

Во время болѣзни Меншикова непріятели его имѣли свободу погубить его, и лишили совершенно благоволенія Императорскаго. Меншиковъ зналъ о злыхъ замыслахъ прошивъ него, такъ какъ и о упадкѣ своемъ; но надѣялся опять войти въ ми-

лоспѣ, въ чемъ и ошибся, по тому что съ лишкомъ на свой умъ надѣялся.

По выздоровленіи своемъ совершенно поступилъ онъ противъ здраваго ума, ибо вдругъ лишилъ Императора всѣхъ невинныхъ заняпій и неспускалъ почти изъ своихъ глазъ. Даже Тетка Императорская, Елисавета Петровна, которая казалось мѣшала ему въ его намѣреніяхъ, неимѣла досупу къ Государю, подъ видомъ, что Она полезное время ученія похищала; а для сего Ей сказано было, что позволено видѣть Императора въ торжественные дни. Князь Меншиковъ при всемъ проницаніи не счелъ за нужное удалить молодого Долгорукаго, котораго почтипалъ неопаснымъ, ни сполько способнымъ, ни смѣлымъ, чтобъ воспастъ противъ его могущества. Однако опъ кого онъ не ожидалъ, пошъ и былъ причиною его паденія. Юный Долгоруковъ такъ умѣлъ припворяться, такъ былъ почтипеленъ къ Меншикову, такъ велъ себя скромно, что казалось на самомъ дѣлѣ онъ ничего не предпрійметъ касательно до него. Между тѣмъ не смотря на разность лѣтъ, онъ былъ въ свя-

Часть II.

7

зи съ Графомъ Осперманомъ и имѣлъ частныя скрыпныя съ нимъ сношенія; и получалъ отъ сего благоразумнаго чело-вѣка наставленія въ поведеніи своемъ. Осперманъ ненавидѣлъ Меншикова отъ всей души своей, и только искалъ случая удобнаго, чѣмъ показатъ на дѣлѣ все, что онъ чувствовалъ противъ любимца Петра Великаго.

Князь Меншиковъ вскорѣ для перемѣны воздуха повезъ Императора въ Петергофъ только на нѣсколько дней, и для того еще, чѣмъ занялся Его Величеству охотою. Графъ Осперманъ взиралъ на сіе путешествіе, какъ на время самое удобное, совершивъ желаніе свое, или выполнивъ планъ, давно имъ приуготовленный. Онъ поспѣшилъ къ большой части Сенаторовъ и къ начальникамъ Гвардіи, чѣмъ узнать ихъ мнѣніе, и нашелъ довольно число согласныхъ съ собою. Многіе изъ нихъ готовы были всѣмъ пожертвовать, чѣмъ избавишься могуществу Меншикова. Тогда Осперманъ сообщилъ имъ свой планъ и предписалъ каждому, какъ себя вести при семъ случаѣ. Онъ на себя взялъ трудъ, угово-

ришь Долгорукаго и заспавишь его вой-
ти въ заговоръ, а чпобъ болѣе уловишь
Князя Василя Лукича Долгорукаго, увѣ-
ришь его, что самое малое воздаяніе бу-
детъ ему то, что родспвенница его Ека-
теріна Алексѣевна, Княжна Долгору-
кая, сочепавшись бракомъ съ Импера-
торомъ Петромъ II, будетъ Импера-
трицею Всея Россіи. Къ сему присовоку-
пилъ, что сего желяетъ вся Россія.

Сія краснорѣчивая, льспивая рѣчь Гра-
фа Оспермана подѣйспвовала надъ Дол-
горукимъ. Князь напередъ восхищался; онъ
уже видѣлъ Княжну Долгорукую сидѣв-
щую на тронѣ Всероссійскомъ; онъ меч-
палъ, какъ все преклоняется предъ нимъ.
Таковыя чувспвованія были причиною,
что онъ позволилъ Осперману дѣлать
изъ себя, что ему было угодно. Но ка-
мнемъ препыканія было то, что Импе-
ратора мудрено казалось удалишь отъ
вѣчнаго надзора Меншикова, копорый по-
слѣ болѣзни своей не перялъ его изъ виду.
Однако Осперманъ по многихъ размы-
шленіяхъ положилъ про извествъ свое пред-
пріятіе чрезъ юнаго Долгорукаго, един-
спвеннаго чловѣка, копорый раздѣлялъ

съ Императоромъ время и веселое и скучное. Только юный Долгоруковъ зналъ всѣ пайны Его Величества и даже спалъ въ комнапѣ у Государя. Чрезъ сіе короткое обращеніе Долгоруковъ зналъ, въ какомъ расположеніи Государь къ Меншикову; по чему онъ обѣщаль, что Его Величество на все будетъ согласенъ.

Князь Меншиковъ самъ облегчилъ всѣ трудности, всѣ препятствія. Онъ поѣхалъ на дачу свою Ораніенбаумъ; тамъ у него построилась церковь, которую онъ освященъ былъ намеренъ. Императоръ и весь Дворъ званы были для присутствованія; но молодой Монархъ, по совету Долгорукаго и другихъ, отказался быть на семъ праздникѣ, объявля Себя нездоровымъ. Меншиковъ еще не думая, чтобъ несчастіе его такъ близко было, столь неостороженъ и смѣлъ былъ, что во время торжества, сидѣлъ на приготовленномъ для Императора мѣстѣ, сдѣланномъ на подобіе трона. Сіе дерзновеніе не оставило представить обшпоятельно Императору, которое со всѣмъ его погубило.

Между тѣмъ, какъ Князь Меншиковъ праздновалъ, Графъ Осиперманъ не перялъ времени. Онъ все такъ успроилъ, чпо нѣсколько ротъ Гвардейскихъ солдатъ находились не далеко отъ Пепергова въ опредѣленной часъ.

Ночью, когда Меншиковъ пировалъ у себя на дачѣ, и когда въ Пеперговѣ пишина ни чѣмъ не прерывалась, юный Долгоруковъ приближась къ постелѣ Государя, съ оспорожноспью разбудилъ Его, и тогда же представилъ ему, избавивъ Себя отъ пягоспнаго, несперпимаго смопрѣнїя Князя Меншикова: ПЕТРЪ II. будучи и прежде сего прїугоповленъ, шопъ-часъ одѣлся, и выскочилъ со своимъ любимцемъ, какъ говорятъ, изъ окна. Оба подъ кровомъ шемнопы ночной пробирались скорыми шагами сквозъ садъ. Лишь только они выбрались изъ сада, вспрѣпили великое число знапныхъ господъ, копорые ждали ихъ, съ гошовыми карешами, и опвезли шуда, гдѣ былъ собранъ Сенапъ. Тамъ положено было все успроить въ Пепербургѣ, для приняпїя Императора въ лѣпнемъ Дворцѣ; а Его Величество съ Долгоруковыми и со

множествомъ знапныхъ поѣхаль на охоту. Осперманъ оспался въ Пеперговъ.

На другой день, съ свѣтомъ Меншиковъ пріѣхаль въ Пеперговъ, и незаппавъ Императора (о копоромъ сказали: поѣхаль на охоту), такъ разсердился на всѣхъ, что вспрыпсся съ Графомъ Осперманомъ, говорилъ съ нимъ не только съ неудовольспвіемъ, но вмѣщаль въ сей разговоръ нѣсколько грубыхъ и непристойныхъ словъ. Осперманъ припворялся, сколько могъ; однако Меншиковъ примѣшилъ перемѣну почпи во всѣхъ. Ему предспавилось, что съ нимъ обходились не по прежнему, и такъ какъ Императоръ не возвращался, Меншиковъ перялъ периѣніе, а по тому за лучшее счелъ, ѣхать въ Санкппербургъ, гдѣ онъ былъ спрашнѣе, и пріѣхавъ въ столицу, вмѣсто того, чтообъ показаться тамъ впадшимъ въ немилость, онъ объѣздилъ многія присупспвенныя мѣста и давалъ вездѣ повелѣнія, и не оставилъ распорядипъ въ домѣ своемъ какъ приняпъ Императора, счиная, что Онъ будетъ по прежнему жипъ у него. Но къ удивленію его около обѣда пріѣ-

халь къ нему Генераль съ Указомъ взяпъ изъ дому *) Меншикова уборы Императорскіе и перевезти оныя въ лѣпней Дворецъ. Сіе было для него громовымъ ударомъ; но болѣе всего смушило его, какъ увидѣль онъ, чпо присланы ѳыли назадъ мебели сына его, копорый по Оберъ-Камергерскому своему чину долженъ былъ жить при Императорѣ.

Генераль Семень Григорьевичъ Салтыковъ объявилъ Князю Меншикову, чпо онъ арестованъ. Жена его съ дѣтьми, по прибытіи Императора въ Санктпетербургъ, приѣхали было въ лѣпней Дворецъ, чпобъ припасъ къ ногамъ Императора, и просипъ о оказаніи милоспи, но не были до Его Величества допущены.

Между тѣмъ увѣряли Меншикова, чпо инаго съ нимъ ничего не будетъ сдѣлано, какъ только, чпо лишатъ его чиновъ, а имѣніе все за нимъ будетъ оставлено, и дозволено ему будетъ остатпокъ дней своихъ препроводитъ въ Ораніенбургъ, довольно хорошемъ городѣ, копорой нѣ-

*) Домъ Меншикова нынѣ большая часть і Кадетскаго Корпуса на Васильевскомъ Острову.

сколько укрѣпленъ имъ самимъ. Пока онъ прожилъ въ Петербургѣ, оставлено было ему на волю распределение всего его имѣнія. Офицеръ, приспавленный съ карауломъ за нимъ присматривающъ, также именемъ Императора позволилъ ему взять съ собою все, что онъ захочетъ, и сколько слугъ ему за благо разсудится.

Князь Меншиковъ вознамѣрился опѣхаться рано по утру, но неприятели его, именемъ Императора, приказали ему выѣхать въ полдень, для позорища народу. Тогда Меншиковъ послѣдній разъ занялся щеславіемъ, и шѣмъ самимъ оказалъ всевозможное презрѣніе къ своимъ врагамъ. Онъ вопреки благоразумію хотѣлъ показаться народу, привыкшему его почищать, что еще въ милости у Государя.

И такъ въ полдень, въ ясную погоду, выѣхалъ онъ изъ Санктпетербурга, во всѣхъ знакахъ опличія, въ богатой золотой каретѣ, за которою слѣдовало много другихъ каретъ и колясокъ; по симъ великолѣпнымъ экипажамъ не походилъ онъ на впадающаго въ немилость знашнаго Боярина; не только вся фамилія, но и

великое число служителей при немъ находились.

Такимъ образомъ тихо продолжая дорогу свою по улицамъ Петербурга, при спеченіи многочисленнаго народа, Князь Меншиковъ имѣлъ столько духу, что веселымъ видомъ кланялся всѣмъ на обѣ стороны, и многихъ знакомыхъ въ толпѣ народной называлъ по имени, говоря: прощай! прощай!

По поступкамъ, которые наблюдали во время пупи его, казалось, что не имѣли намѣренія больше зла ему сдѣлать. И молодой, къ добру склонный Императоръ, въ толпѣ нѣжныхъ лѣпахъ, могъ ли нищать зло пропивъ Своего подданнаго и увеличивать поспепенно наказаніе? Но ненавидящіе Меншикова умѣли воспользоваться его пышнымъ опѣздомъ; они представили Его Величеству непомѣрную гордоспѣ Меншикова, и что обладая милліонами, онъ ни во что спавипѣ гнѣвъ своего Императора. Подобными рѣчами привели кропкаго Государя до того, что Онъ по совѣпу непріятелей Меншикова велѣлъ поспѣшно отпраивпѣся въ слѣдъ за несчастнымъ опряду гренадеръ,

а Офицеру приказано было снять съ него орденъ, не токмо Россійскіе, но и иностранныхъ Государствъ.

Меншиковъ съ сего времени доказалъ свѣту, что онъ великій человѣкъ. Чувствуя все униженіе свое, не токмо ни единого слова не произнесъ оскорбительнаго, ниже вида показалъ, что онъ униженъ, хотя въ душѣ его боролись всѣ спраши. Онъ молчалъ, но когда въ Твери посланный Офицеръ съ опрядомъ догнавъ его, предсталъ къ нему, тогда Меншиковъ не допусая его, говоритъ: „Господи! Офицеръ! возмите сихъ свидѣтелей моего глупаго тщеславія. Я предвидѣлъ, что меня лишатъ оныхъ, по тому и собралъ всѣ орденъ въ одинъ ящикъ; но я бывъ на мѣстѣ враговъ моихъ, присовѣщывалъ бы Императору, приказатъ мнѣ въ ссылкѣ моей всегда оными украшаться, чтобъ болѣе чувствовать ничтожество свое.“

Данныя повелѣнія неограничивались сказаннымъ. Офицеръ приказалъ Меншикову выйти изъ кареты съ семействомъ своимъ и сѣсть въ Чухонскія телѣги, которыя были нарочно приуготовлены. Князь

Меншиковъ выслушалъ сей приказъ съ удивительнымъ спокойствіемъ духа. Съ сего времени онъ престалъ быть человекомъ тщеславнымъ и гордымъ, считающимъ себя выше всѣхъ чesпей. Князь Меншиковъ, говорю, прежде надменный и неприступный, который пребывалъ, чтобъ всѣ сгибались предъ нимъ, пошъ, повторяю, человекъ, который равнялся пышностію Коронованнымъ Главамъ, ни что другое спалъ, какъ философъ, улыбающійся ударамъ щастія, судьбы. Онъ опвѣчалъ скромно Офицеру: „Я пригото-
 „вилъ себя на все, исполняйте приказанія
 „вамъ данныя; чѣмъ болѣе вы меня лиши-
 „те, тѣмъ менѣе оставите мнѣ безпо-
 „койства. Я только сожалею о тѣхъ,
 „кои воспользовались случаемъ лишить
 „меня всего.“ Онъ вышелъ изъ кареты и сѣлъ въ малую покрытую шельгу съ спокойствіемъ великаго человека, которое удивило и въ то же время пронуло до слезъ свидѣтелей сего случая. Его жена и дѣти помѣстились въ подобныхъ шельгахъ. Кареты и люди его возвращены въ Санктпетербургъ, и Меншиковъ продолжалъ дорогу свою, лишенный даже удовольствія видѣть

и говоришь съ женою и дѣтьми своими. При перемѣнѣ лошадей, когда удавалось вспрѣпиться со своими кровными, онъ просилъ ихъ не вдаваться во власъ печали, но вооружиться терпѣніемъ прошивъ ударовъ рока. Вѣра, копорая обыкновенно оспается вѣрною утѣшительницею несчастныхъ, влагала въ него рѣчи споль справедливыя и сильныя, кои могли ободрить горестныхъ и невинныхъ жертвъ зависпи.

Такимъ образомъ Меншиковъ съ семействомъ своимъ прибылъ въ Ораніенбургъ, гдѣ думалъ въ замкѣ прожить остатокъ своихъ дней въ тишинѣ и нѣкоторомъ довольствѣ. Но враги его не были довольны только удаленіемъ и лишеніемъ всѣхъ честей; нѣтъ, имъ казалось, что онъ близокъ еще ко Двору и можетъ еще усиливаться. По чему за нимъ въ слѣдъ приѣхали изслѣдователи по доносамъ, при Петрѣ Великомъ поданнымъ, и соображаясь съ пославшими ихъ, осудили его на всегда, жизнь свою провести въ Березовѣ при рѣкѣ Оби въ Тобольской Губерніи. И при семъ случаѣ великодушіе, Стоическая философія, твердость духа

неподражаемая и упованіе на Бога было несносно его врагамъ, а для сего злоба ихъ выдумывала все унизительное, чпобъ поколебать его душу и заставить изгибаться предъ ними. О! люди. Почти всѣ враги Меншикова не въ продолжительномъ времени подпали той же участи, какую устроили ему!

Прежде отъѣзда изъ Ораніенбурга, именемъ Государя, одѣли Меншикова и семейство его въ привезенное изъ Пепербурга самое простое толстое крестьянское платье; злоба не забыла прислать и бѣлье самое грубое; сверхъ платья надѣли на всѣхъ нагольные бараньи тулупы; таковыя же были и шапки съ ушами.

Княгиня Меншикова, урожденная Арсеньева, не могла перенести трудности дороги, своего несчастія; она впала въ опчayanіе; напередъ опъ слезъ ослѣпла, и недоѣхавъ до означеннаго мѣста вѣчнаго започенія, на дорогѣ въ Услунѣ въ Казанской Губерніи скончалась. Несчастный Меншиковъ имѣлъ столько духу, что приуготовилъ супругу свою къ мирной вѣчности. Она испустила послѣдній вздохъ въ объятіяхъ своего супруга. Сія раз-

лука была ужаснѣйшимъ ударомъ для Меншикова; онъ лишился въ своей супругѣ утѣшительной опрады въ бѣдствіи своемъ. Онъ всегда сохранялъ къ ней дружбу, соединенную съ почтеніемъ. Справедливостъ требуетъ сказать, что Княгиня Меншикова красотою своею обращала взоры cadaго на себя, добродѣтельнымъ же своимъ поведеніемъ пріобрѣла общее уваженіе.

Меншиковъ долгомъ поставилъ себя и былъ обязанъ исполнить послѣднее для обожаемой супруги; онъ похоронилъ ее на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она скончалась. Что дѣлали дѣти при семъ ужасномъ случаѣ, чувствительной читатель можетъ самъ себя вообразить. Едва допустили Меншикова, оплакать супругу свою, принудили продолжать путь къ Tobольску. Молва прежде его прибытія дала знать сему городу о бѣдственномъ положеніи любимца Петра Великаго. Уже напередъ нѣкоторые насыщались удовольствіемъ, увидѣвъ въ оковахъ чело-вѣка, который не давно еще заставлялъ пренепать всю Россію. Первая встрѣча, поразившая его глаза, лишь въѣхавъ въ городъ, была два боярина Русскіе, изгнан-

ные въ ссылку въ его правленіе. Они
шли на вспрѣту ему, и провожали его
укоризнами, бранными словами, до пюръ-
мы пріугоповленной ему. Меншиковъ не
оскорбляясь, сказалъ одному изъ нихъ:
„Твои упреки, твои поносительныя сло-
ва, справедливы; я заслужилъ ихъ, удо-
влепвори себя, насыпь себя хопъ симъ,
по тому чпо ты не можешь болѣе
мспить человѣку въ моемъ соспоянніи;
я побою пожертвовалъ полипическому
моему міру для того, чпо твои доб-
родѣтели, и твоя непреклонность опъ
истинны запмѣвали меня, или кидали па-
кую черную пѣнь на меня, чпо я лишался
всего блеску своего.“ По томъ обрапясь
къ другому, сказалъ: „Я по сіе время
не зналъ, чпо ты здѣсь находишься.
Не обвиняй меня въ своемъ нещастіи;
ты вѣрно имѣлъ вратовъ изъ прибли-
женныхъ ко мнѣ, копорые обманомъ по-
лучили Указъ о твоей ссылкѣ. Я даже
спрашивалъ, опъ чего тебѣ такъ да-
вно не видашь? мнѣ всегда опвѣчали
темно; и правду сказать, я такъ былъ
занятъ Государственными дѣлами, чпо
не доставало времени помыслишь о

„частномъ человѣкѣ. Однако ежели ты на-
 „ходишь облегченіе въ несчастіи своемъ
 „браня меня, брани, сколько угодно; я на
 „слова твои не буду отвѣчать.“

Трепій также ссылочный, продравшись
 сквозь толпу народную и пылая мщені-
 емъ, закидалъ дочерей и сына Меншикова
 грязью. „Боже мой!“ вскричалъ Меншиковъ
 оскорбленный до слезъ; „на меня, на меня
 „должно бросать грязью, а не на сихъ не-
 „щасныхъ дѣтей, которые ни чего те-
 „бѣ не дѣлали!“

Тобольскій начальникъ именемъ Им-
 ператора прислалъ Меншикову 500 ру-
 блей, чѣмъ купилъ для себя и дѣтей
 своихъ нужное. Онъ съ должною благо-
 дарностію принялъ и купилъ необходи-
 мое для своего започенія, и чѣмъ из-
 бавишься ужасной нищеты, могущей по-
 спигнуть его. И такъ взявъ всѣ предо-
 спорожности, не о себѣ помышлялъ, а
 только о своихъ бѣдныхъ дѣтяхъ. Что жъ
 касается до него, онъ сносилъ неща-
 стія свои съ большею твердostí, неже-
 ли какъ думали, и бывши слабаго сложе-
 нія, содѣлался здоровымъ и дороднымъ.
 Ни кто ни когда не слыхалъ, чѣмъ

онъ ропшалъ на судьбу; а часто скрытно лиль слезы о дѣпяхъ своихъ, хопя спарался ежедневно внушати имъ, что воля Божіей и воля Государевой должно свяпо повиноваться. Но иногда терялся до того, что не могъ скрыть всего ужаса, какому подвергъ невинныя жертвы, дѣпей своихъ, своими погрѣшностями. Онъ рыдалъ, терзалъ себя до испушенія, взирая на нихъ. Нещасныя жертвы злобы враговъ его, своими ласками, своими слезами, своими ангельскими поцѣлуями, возвращали ему твердость духа. Какой разительный примѣръ для честолубія себялюбцевъ!

Меншиковъ просилъ купить ему пиль разной величины, поповровъ, гвоздей, желѣза и разныхъ хорошихъ орудій, для земледѣлія нужныхъ. Онъ также запасся разныхъ родовъ хлѣбными сѣменами и солониною, не забылъ купить неводовъ и удъ для рыболовства. Когда же вся закупка была приуготовлена, онъ просилъ остальныя деньги роздать бѣднымъ.

Поѣздка изъ Tobольска въ Березовъ *) зимою была мучительна. Ошкрышная телѣга, запряженная въ одну лошадь, составляла весь экипажъ; почти чешыре мѣсяца, естѣли не болѣе, были въ дорогѣ, претерпѣвая мученія отъ непогоды. Чшо человекъ можетъ перенести!

Лишь выѣхалъ изъ Tobольска, Меншиковъ упомленный, разперзанный въ душѣ своей отъ встрѣчъ, проѣзжая сей городъ, съ дозволенія приставленнаго къ нему Офицера, сошедъ съ телѣги съ дѣтьми своими, вошелъ въ избу къ Сибирскому поселянину, для отдохновенія и обѣда; въ поже самое время, для сихъ же причинъ, вошелъ въ ту же избу одинъ Офицеръ, который возвращался изъ Камчатки, куда былъ посланъ съ Капитаномъ Берингомъ 1727 для ошкрышій. Сей Офицеръ хотя и былъ прежде Адъютантомъ Князя Меншикова, но ни какъ не могъ узнать его, пошому чшо изгнанникъ былъ въ безобразномъ видѣ. Меншиковъ узнавъ его, назвалъ по имени. Офицеръ не мало удивленный, услыша свое имя въ такомъ

*) Березовъ разстояніемъ отъ Санктпетербурга 3963 версты, а отъ Tobольска 920 верстъ.

мѣстѣ, спросилъ Меншикова, почитая бѣднымъ несчастнымъ мужикомъ, по чему онъ его знаетъ, и кто онъ таковъ? Меншиковъ отвѣчалъ: „не за долго я былъ „Князь Меншиковъ, богатый, могущесвенный; а теперь я только бѣдный „ссылочный Александръ.“

Офицеръ отправляясь въ путешествіе, оставилъ Меншикова въ славѣ и щастіи, и оному ни какъ не могъ постигнуть, чѣмъ поплъ самый Меншиковъ находился въ полѣ унипительномъ соспояніи; онъ вообразилъ, чѣмъ имѣетъ дѣло съ какимъ-нибудь сумасшедшимъ мужикомъ, а для сего онъ ему отвѣчалъ какъ сумасшедшему. Меншиковъ догадался, что думаетъ Офицеръ, и чѣмъ вывести его изъ заблужденія, взявъ за руку, подвелъ къ окну и сказалъ: „посмотри на меня.“ Офицеръ со вниманіемъ разсмотрѣвъ, вскричалъ: Ахъ! Боже мой! теперь узнаю Князя, моего благодѣтеля. Скажите, Ваша Свѣплость, какимъ несчастнымъ случаемъ вы доведены до сего положенія? „Забудь, отвѣчалъ Меншиковъ, сей пышный пишуль; я тебѣ уже сказалъ, что называюсь Александръ. Небу угодно было воз-

врапитъ меня въ первобытное мое со-
 спояніе.“ Офицеръ еще сомнѣваясь въ
 видѣнномъ и слышанномъ, подошелъ къ
 молодому мужичку, который сидя въ углу
 избы, завязывалъ мочалкою оппоровшую-
 ся подметку у сапога; спросилъ пихонь-
 ко: что это за человекъ, съ которымъ
 я пересталъ говорить? Это мой опецъ,
 отвѣчалъ громко молодой Меншиковъ, и
 тебѣ не стыдно въ несчастіи не узна-
 вать насъ, тебѣ, который всѣмъ благо-
 получіемъ своимъ обязанъ намъ! Спарый
 Меншиковъ выговорилъ своему сыну за
 сей отвѣтъ, и подзавъ Офицера, про-
 должалъ: „Простите молодому моему сы-
 ну; несчастія содѣлали его нравъ суро-
 вымъ; вопъ въ другомъ углу мои доче-
 ри.“ Обѣ были дурно одѣты поселянками,
 и сидя на полу, держали деревянную
 чашу съ молокомъ, въ которое обма-
 кивали корки черстваго чернаго хлѣба,
 и орошали оное слезами. „Вопъ эта,
 „указавъ рукою Меншиковъ, дочь моя
 „Марья, имѣла щастіе быть обручен-
 „ною невѣстою Императора Пе-
 „тра II, и уже готовилась соединить-
 „ся бракомъ съ Его Величествомъ;

„но я, я своею суебною гордостію
 „содѣлся орудіемъ нещастія, въ кон-
 „ромъ видѣше вы невинно спражду-
 „щихъ дочерей моихъ.“

Офицеръ не смогъ на приспавовъ,
 не могъ удержатъ слезъ своихъ, и былъ
 крайне удивленъ, услыша о Петръ II.
 Онъ четыре года предъ тѣмъ выѣхалъ
 изъ Пешербурга, и по тому не зналъ,
 что происходило во время его отсут-
 ствія.

Меншиковъ удовлетворилъ путеше-
 ственника, рассказавъ ему всѣ произше-
 ствія, случившіяся не токмо при Дворѣ,
 но и во всей Россійской Имперіи. О-
 фицеръ съ великимъ вниманіемъ слушая,
 часъ опъ часу приходилъ въ большее
 удивленіе, и сіе показывалъ тѣлодвиже-
 ніемъ или знаками. Онъ ни какъ не хо-
 тѣлъ вѣришь, чѣмъ въ четыре года мо-
 гло случиться то, что ему рассказывалъ
 Меншиковъ, а по тому въ глазахъ при-
 спавовъ искалъ найти подтвержденія
 слышанныхъ словъ. Нещастный Князь
 прервавъ разговоръ, пребылъ нѣкоторое
 время въ молчаніи; углубясь въ самого
 себя, далъ случай Офицеру, расспраши-

вапъ у приспавовъ о дѣлахъ прошедшихъ; и вдругъ возвыся голосъ, продолжалъ такъ: „Другъ мой! что еще больше скажу тебѣ? Владыко самовластный, спраш- ный! каковъ я былъ, не токмо предъ сво- ими, но даже предъ всею Европою! счи- талъ себя превыше несчастій и льстилъ себя надеждою, въ спароспи насладить- ся въ пишинѣ плодами своихъ трудовъ, какъ неожиданно, Князя Долгорукіе и иноземецъ Осперманъ, вывели меня изъ заблужденія, и ввергли съ высоты вели- чія, славы, богатства, въ сіе ужасное, бѣдственное состояніе. Признаюся, ли- шеніе почестей, имуществва, вольности, неудобство было опъ меня даже вздо- хомъ; но, прибавилъ онъ, обливаясь сле- зами, задыхаясь опъ горести и всхлы- пыванія, и показывая на дѣтей своихъ: вопъ что меня убиваетъ! Вопъ мое же- сточайшее мученіе, которое продолжи- ся до конца жизни моей. Сіи невинныя жертвы, рожденные въ изобиліи и бле- стящей знапности, терпятъ нынѣ не- достатокъ во всемъ, и небудучи участ- никами, въ чемъ меня обвиняютъ, раздѣ- ляютъ со мною вмѣстѣ мое бѣдствіе и

паденіе. Ты ѣдешь ко Двору дасть опечень въ порученномъ тебѣ; ты найдешь тамъ Долгорукихъ и Остермана, правителями Россіи; скажи, что я желаю имъ всѣхъ необходимыхъ достоинствъ, посредствомъ которыхъ могутъ привести любезное мнѣ Опечество, Россію, въ цвѣтущее состояніе по всѣмъ отношеніямъ. Лести ихъ мщенію; говори имъ, что ты насъ встрѣпилъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи; что ни непогода времени, ни трудная продолжительная дорога, не лишила насъ здравія; и что мы гораздо спали крѣпче тѣломъ въ утѣшеніе имъ, чтобъ продолжительнѣе могли быть подъ ударами ужасной жизни. Наконецъ скажи имъ, что я наслаждаюсь въ невольническомъ вольностию разума и спокойствіемъ душевнымъ, неизвѣстнымъ мнѣ до сего времени во дни моего благоденствія.“

Офицеръ исполненный благодарныхъ чувствованій, проливалъ слезы состраданія, внимая мудрому Меншикову: и когда увидѣлъ, что несчастный Князь сѣлъ съ дѣтьми въ свою пелѣгу, проснулся со всѣми упомянутый отъ горести; онъ

проводилъ ихъ глазами, сколько могъ, и во все печеніе жизни своей видѣлъ въ Меншиковѣ великаго человѣка. И подлинно всѣ, кои слышали разсуждающаго Князя, о чемъ бы то ни было, забывая его прежніе недоспапки, суепную гордость, возвращались съ особеннымъ уваженіемъ къ сему славному изгнаннику, который собою показалъ, что просвѣщенный человѣкъ, хотя и бываетъ иногда увлеченъ спраспями, но нещаспїя дружапъ его съ разумомъ. Симъ свѣспильникомъ освѣщенный человѣкъ, всегда и во всякое время найдетъ себѣ споккойспвіе и щаспїе.

Меншиковъ съ дѣпъми своими доѣхавъ до Березова при рѣкѣ Сосвѣ, впадающей въ рукавъ Оби, мѣспя своего започенїя, занялся попеченїемъ хозяйства. Не для себя онъ прилагалъ спаранїе, пруды; — единспвенно цѣль его была, облегчить долю дѣпей своихъ, невинно изгнанныхъ въ вѣчное заключенїе въ споль ужасное мѣспо. Онъ распахавъ довольное спранспво земли, удобрилъ ея; ему сппомощспвовали восемь спужипелей, охоспно послѣдовавшихъ за любимымъ госпо-

диномъ своимъ. Вотъ также черта добраго человека! Меншиковъ видѣлъ уже плоды своихъ посѣвовъ, и щасливѣлымъ себя почиталъ, когда дѣти его вкушали овощи, его руками насажденные и пріуготовленные.

По пріѣздѣ въ Березовъ велѣно было отъ Императора выдавать ему на содержаніе по десяти рублей на день, которой суммы не только на пошребности его доспавало, но отъ ошпапковъ скопилъ онъ столько, что увеличилъ крестьянскую избу, или лучше сказать шалашъ, покрытый соломой, гдѣ онъ съ дѣтьми и со служивыми жилъ. Помощію денегъ получилъ позволеніе рубить спроевой лѣсъ, и своимъ примѣромъ ободрилъ всѣхъ: въ короткое время онъ выстроилъ домикъ довольно покойный, для помѣщенія себя съ дѣтьми своими и со служивыми, любившими его какъ отца. Домъ состоялъ изъ маленькой часовни и четырехъ покоевъ; при созиданіи часовни, своими руками отправлялъ плотническую и столярную работу. Въ одной комнатѣ помѣстился Князь Меншиковъ съ сыномъ, въ другой оплакивали судьбу

свою его двѣ дочери Марія и Александра, въ прешней жили восемь служителей, а въ четвертомъ покоѣ сохранялись съѣстные припасы.

Марія Александровна, Княжна Меншикова, обрученная невѣста Императора Петра II, взяла подъ свое смотрѣніе кухню; сестра ея Александра занялась мытьемъ бѣлья. Обѣимъ симъ невинно-несчастнымъ дѣвицамъ помогали преданные имъ слуги; всѣ тяжкія, черныя работы исполняли они. Спустя нѣсколько времени, привели къ бѣднымъ ссылочнымъ одного быка, четырехъ коровъ, козъ и барановъ; въ то же время привезли имъ множество дворовыхъ пѣицъ. Меншиковъ никогда не могъ узнать, кто ему оказалъ сіе благодѣаніе.

Домъ Меншикова представлялъ мирную обитель; каждый день онъ и друзья (такъ Князь называлъ своихъ служителей, и съ которыми не рѣдко и обѣдывалъ вмѣстѣ) молились въ построенной часовнѣ, утромъ и вечеромъ; а онъ самъ вставалъ еще и ночью, дабы съ сокрушеннымъ сердцемъ приносить свои молитвы предъ Творцемъ

милосердымъ и праведнымъ. Нещастіе со-
дѣлало его благочеспивымъ *).

Не прошло и шести мѣсяцовъ по прі-
ѣздѣ ихъ въ Березовъ, на Княжнѣ Марѣ
Александровнѣ показалась оспа, опъ копо-
рой вскорѣ и скончалась съ миромъ ду-
шевымъ, не смопря на всѣ неусыпныя
попеченія нещастнаго отца ея, который
лишалъ себя покою и днемъ и ночью, но
видя, что неумолимая смерть готова
уже была похипить ея, укрѣпился, и прі-
угоповилъ ея къ вѣчности. Въ его объ-
пїяхъ другая невинная жертва испуспи-
ла духъ свой. Не возможно перомъ опи-
сать горестъ всего семейства Менши-
кова. Единая вѣра воспрепила Меншико-

*) По возвращеніи изъ ссылки, часто Княж-
на Александра Александровна Меншикова го-
ворила: Любезный родишель мой такъ не
чувспвительно привыкъ къ тихой и безмя-
пежной жизни, что наслаждался щастіемъ
и не рѣдко по нѣсколько днямъ былъ доволенъ,
и улыбка показывалась на лицѣ его; но мы
дѣши его оправляли жизнь почтеннѣйшаго
человѣка. Отець мой, видя насъ почти въ ру-
бищахъ въ бѣдспвенномъ состояніи, не могъ
неперзаться, обвиняя себя въ нещастіи на-
шемъ; тогда мы всѣ ласки употребляли, чтобы
ушѣшить нещастнѣйшаго изъ людей.

бу умереть съ печали; онъ ободрилъ себя, и съ умиленнымъ сердцемъ просилъ прощенія у милосердаго Бога, что хотѣлъ произвольно оставить другихъ дѣтей своихъ сирыми. Онъ призвавъ ихъ, сказалъ: „Любезные дѣти! научитесь умирать подобно сестрѣ своей.“ Князь самъ опшѣвалъ дочь свою, своими руками сдѣлалъ гробъ, и похоронилъ въ часовнѣ, означая мѣсто для себя подлѣ дочери своей.

Не успѣлъ еще Меншиковъ придти въ себя, какъ судьба приуголовила ему новое несчастіе: сынъ и дочь получили также оспу; и родители ихъ были столько щасливы съ помощію Божіею, что они не въ продолжительное время получили здравіе.

Но здоровье Меншикова со дня на день начало чувствительно уменьшаться, оставляя его. Труды, воспоминанія о прошедшихъ погрѣшностяхъ своихъ, ужасное зрѣлище, видя дѣтей своихъ несчастными, все вмѣстѣ служило ему наказаніемъ, которое мало по малу низвело его во гробъ.

Осенью 1729 года заболѣлъ Меншиковъ медлительною лихорадкою, которая тѣмъ болѣе усилилась, что онъ скрывалъ свою

болѣзнь передъ дѣтьми своими; наконецъ силы его оставили, и онъ принужденнымъ себя нашелъ слечь. Чувствуя приближеніе своей кончины и вѣчной разлуки съ несчастными дѣтьми своими, собрался съ духомъ, и подзававъ ихъ къ своей постелѣ, говорилъ имъ слѣдующія слова, сохраненныя для потомства дочерью его Александрою: „Дѣти мои! уже „наспалъ послѣдній часъ моей жизни; „смерть не страшна для меня; я съ тѣхъ „поръ, какъ въ ссылкѣ, ежедневно ждалъ „ее съ равнодушіемъ; но я долженъ дать „оповѣсть въ дѣлахъ своихъ предъ Со- „здателемъ, копорой и милосердъ и пра- „восуденъ. Здѣсь, любезные дѣти, въ уда- „леніи позналъ я, что есть законъ и что „есть разумъ? которыя не сопровожда- „ли меня во дни благоденствія моего. „Здѣсь умираю я, увѣренный въ непре- „дѣльномъ милосердіи и правосудіи Бо- „жіемъ; я оставляю свѣтъ, преисполнен- „ный надежды на Творца, хотя и былъ „часто совращенъ съ пути добродѣтели. „До сего, дѣти мои! ваши сердца были „непорочны, чисты, неразвращенны; „вы здѣсь въ пустынь, въ неизвѣстно-

„спи, можете лучше сохранить невинность вашу, нежели при Дворѣ. Ежели вы будете возвращены, по примѣръ мой въ сей ужасной пустынѣ да послужите руководителемъ вашимъ въ свѣтъ.“

Онъ произнесъ сіи слова такъ твердо, что казалось далеко еще былъ своей смерти; но это ни что иное было, какъ послѣднее усиліе, чтобы проститься съ дѣтьми своими. Лишь замолчалъ, умирающими глазами взглянулъ на дѣтей своихъ, протянулъ руку и испустилъ духъ въ Ноябрь мѣсяцъ 1729 года.

Тѣло Меншикова было предано землѣ подлѣ его дочери. Положеніе дѣтей, сиротъ, въ 4.000 верстахъ отъ Столицы, ужасно. Да сохранитъ Богъ cadaго отъ подобнаго несчастія!

Вопъ какъ кончилъ дни свои поплъ человекъ, коіпораго судьба для того возвышала, чтобы низринуть въ бездну несчастій.

Жизнь Меншикова можетъ послужить поучительнымъ примѣромъ надменнымъ и несправедливымъ, что рано или поздно наказаніе слѣдуетъ за человекомъ

забывшимъ плѣнность свою, и что онъ также можетъ подпасть участи бѣдственной, какъ и бѣдный и немочный.

Качества Меншикова.

Онъ безмѣрно любилъ своего Государя и Опечеснво, и наблюдалъ успановленія Петра Великаго, для просвѣщенія Россійскаго народа. Милосливъ и учпивъ былъ къ Россіянамъ и иносстранцамъ; сіе разумѣется о тѣхъ, которые не помышляли оказывать пропивъ него превосходснво своего разума, и которые умѣли снисходить его нраву. Ласковъ былъ ко всѣмъ тѣмъ, кпо его ниже, и не забывалъ никогда оказанныхъ заслугъ. Храбръ до чрезвычайности и усерднѣйшій другъ преданныхъ ему. Былъ также безмѣрно честполюбивъ, и немогъ перпѣть не покмо кого выше себя, ни равнаго, а особливо тѣхъ, кого подозрѣвалъ, что хопятъ превзойти его разумомъ. Причищаютъ ему пороками скупоснъ и мщеніе ко врагамъ своимъ. Былъ уменъ, обширныхъ свѣдѣній; но въ обращеніи суровъ и нѣсколько даже грубоватъ.

О дѣтяхъ Князя Меншикова.

Благосклонный и чувствительный чисташель конечно желаетъ знать, что воспослѣдовало съ дѣтьми Меншикова.

Императоръ Петръ II. скончался 1730 года 18 Генваря отъ оспы. Вступившая послѣ Него на Всероссійскій Престоль Императрица Анна Іоанновна облегчила нѣсколько участь Княжны Меншиковой и брата ея, ипѣмъ, что позволила приспаву давати имъ волю гуляти и по окрестностямъ своего започенія, одѣти ихъ нѣсколько попристойнѣе и сему подобное.

Въ таковыхъ прогулкахъ Княжна Меншикова, удаляясь отъ своего горестями преисполненнаго жилища, вездѣ встрѣчала лица блѣдныя, упомленные; но слѣдуя прежнимъ приказаніямъ, привыкла неосмѣливаться вопрошати. Такъ продолжая жизнь свою, въ одинъ день дошла до бѣдной хижины, гдѣ замѣтила и прежде человека въ слуховомъ окнѣ, безобразнаго, спрашнаго, всегда какіе-то знаки руками дѣлающаго; но въ сей разъ онъ съ удивленіемъ кричалъ: такъ! это она,

шочно она. Княжна, которая послѣ сама рассказывала, хотя и слышала всѣ сіи слова, но отъ страха и другихъ непонятныхъ для нее причинъ поропилась пройти мимо избы безъ всякаго вниманія; но возвращаясь послѣ своей прогулки и проходя вышесказанную избу, опять увидѣла того же страннаго мужика въ томъ же слуховомъ окнѣ, которой махалъ рукою, подзывая ее къ себѣ ближе. Княжна не зная мужика, прибавила шагу; но мнимый поселянинъ, теряя терпѣніе, закричалъ: „Княжна Меншикова! для чего ты бѣжишь отъ несчастнаго? уже ли и въ семъ ужасномъ мѣстѣ, въ семъ бѣдственномъ состояніи, вражда непримиримая будетъ между нами?“ Любопытство узнать, кто былъ сей врагъ ея, принудило приблизиться къ избѣ. Кто можетъ вообразить удивленіе Княжны, когда она узнала въ семъ безобразномъ мужикѣ Василя Лукича Князя Долгорукаго! Нечаянная сія встрѣча, въ такомъ мѣстѣ, съ такимъ человекомъ, произвела въ Княжнѣ разныя чувства. Она видѣла предъ собою причинителя всѣхъ несчастій своего дома; наблюдательными взо-

рами разсмапривала его и не могла удержать вздоховъ своихъ, видя пворца ссылки Меншиковыхъ еще въ худшемъ положеніи! По нѣкоторомъ молчаніи Княжна пришедъ въ себя, сказала ему: для чего Императоръ сослалъ сюда, и когда сіе случилось? Ахъ! Княжна, Императоръ скончался 18 Генваря 1730 года опъ оспы, спустя нѣсколько времени по обрученіи Своемъ съ моею родспвенницею Екатериною Алексѣевною Княжною Долгорукою; подойди къ окну, и ты увидишь ее лежащую на скамьѣ, умирающую опъ болѣзни и голода.

Княжна опъ словъ Долгорукаго приведена бывъ въ изумленіе, вскричала: Императоръ умеръ!---Какъ! продолжалъ Долгорукой, уже ли вамъ неизвѣстно было сіе? По чему мнѣ знашь, опвѣчала Княжна, въ семъ отдаленномъ опъ сообщенія съ людьми мѣстѣ, гдѣ запрещено было намъ до сего времени говоришь съ кѣмъ бы то ни было? По всему однако можно заключить, что и вы не давно привезены сюда, ибо ни чего не знаете.“ Разговоръ продолжался, Долгорукой разсказалъ подробно возшествіе на пресполь Им-

ператрицы Анны Иоанновны, и какъ Она, чпобъ болѣе утвърдипься на пресполѣ, по совѣту любимца Своего Бирона, пожертвовала первыми домами Россійскими, въ числѣ которыхъ и онъ былъ.

„Боже мой! продолжалъ Долгорукой, съ нами обращались во всю дорогу, какъ съ самыми люпѣйшими злодѣями, прескупниками; дѣпи мои и семейство Князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго испытывали всѣ возможныя угнетенія; даже не разъ отказывали намъ въ пищѣ; всѣ мы по сіе время въ ужасной нищетѣ. Жена моя была споль щастлива, что не дожидла до бѣдственнаго соспоянія своего семейства и мучительной смерти своей дочери, которая, какъ вы видите, приближается къ послѣднему издыханію.“ Кончилъ разговоръ шѣмъ, что поносилъ всѣхъ окружающихъ пресполъ Анны Иоанновны. Княжна видя испупленіе Долгорукаго, оставила его и достигла въ глубокой задумчивости до своего дома.

Приспавъ и молодой Меншиковъ безпокоились уже о ея оплучкѣ, и увидя ея блѣдную, въ безпокойствѣ, спарались узнать причину. Княжна повѣспованіемъ

*

своимъ о видѣнномъ и слышанномъ удивила Приспава и брата; сей послѣдній готовъ былъ идти упрекать Долгорукаго за прошедшее и наспоящее нещасіе свое и кровныхъ своихъ, но совѣтами сеспры и Офицера приведенъ былъ въ стыдъ.

Княжна Меншикова въ чувствительной душѣ не могла питать ненависти къ причинителямъ своего горестнаго положенія; она добромъ мстила за оказанное зло. На другой день хотѣла доставить чрезъ своего служителя нѣкоторое пособіе бѣдствующимъ Долгоруковымъ; но Приспавъ запрешилъ, сказавъ: „кого Императрица наказываетъ, съ тѣмъ не должно имѣть никакого сообщенія, чпобъ не подвергнуться большому наказанію.“

Между тѣмъ приближенные къ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, находя, что нечего бояться дѣшей Меншиковыхъ, испросили у Императрицы прощеніе имъ.

Другіе говорятъ, что когда Меншиковъ былъ сосланъ, и когда все имѣніе его было описано въ казну; то Министры хотѣли взять изъ Банковъ Венеціи и Амстердама великія суммы денегъ,

положенныхъ плуда Княземъ Меншиковымъ; но какъ Директоры сихъ учрежденій опказали въ выдачѣ оныхъ денегъ, по тому, что не получили надлежащей бумаги отъ вкладчика или его наслѣдниковъ, Принцъ Биронъ, желая воспользоваться сими деньгами, былъ причиною возвращенія дѣпей Меншикова, и женилъ брата своего Густава на Княжнѣ Меншиковой.

И такъ ссылочнымъ привезли указъ о возвращеніи, когда они совсѣмъ не ожидали. Офицеръ, привезшій сіе извѣстіе, доставилъ имъ кареты, въ коихъ могли они покойно выѣхать изъ своего ужаснаго заключенія. Молодые несчастливцы первымъ долгомъ поставили себѣ, возблагодарить Бога за оказанную имъ милость. Княжна Меншикова съ перваго разговора съ Долгорукимъ не смѣла приблизиться къ его избѣ, но чувствительность ея, благородство души, не могли воспрепятствовать увидѣть несчастныхъ гонимыхъ своего дома, дать знать, что они освобождены, и упѣшить спрадальцевъ.

Долгорукой почти не оставлялъ слуховаго окна; онъ завидя ихъ въ дали еще, закричалъ: „Приблизшись, дѣти мои, по

„тому чпо пользуешь свободою, ко-
 „порой мы лишены; переспанемъ взирашь
 „одинъ на другаго врагами; равная у-
 „часть должна насъ примирить; насла-
 „димся послѣднимъ унѣшеніемъ, копо-
 „раго несчастные могутъ вкушать из-
 „липіемъ горестей своихъ, и поклянемъ-
 „ся любить другъ друга, сколько преж-
 „де ненавидѣли, ежели Богъ позволишь
 „намъ свидѣться въ лучшемъ положеніи.“

Молодой Меншиковъ не вытерпѣлъ не
 сказать Долгорукову: „я думалъ, чпо бу-
 ду вѣчно питать ненависть къ тебѣ;
 но при видѣ ужаснаго состоянія твоего,
 чувствительность и соболѣзнованіе, за-
 ступили мѣсто ненависти въ душѣ мо-
 ей.“ Онъ далъ знать, чпо на другой день
 опѣзжають въ Санктпетербургъ, и чпо
 они прощены. При семъ извѣстіи Дол-
 горуковъ не могъ скрыть вздоховъ сво-
 ихъ. Меншиковъ боясь однако, чпобъ не
 пославили ему въ вину предъ Ея Вели-
 чествомъ, чпо разговаривалъ съ несчаст-
 нымъ изгнанникомъ, и чпо болѣлъ о
 его судьбѣ, готовъ уже былъ удалиться,
 какъ Долгоруковъ, обратясь къ се-
 стрѣ и брату, говорилъ: „Прощайте, дѣ-

„пи мои! забудыте ненависть ко мнѣ,
 „которую я въ васъ родилъ; воспоминай-
 „те иногда о несчастныхъ, которыхъ вы
 „оставляете въ сей пустынь, подъ смо-
 „трѣніемъ безжалостныхъ, лютыхъ людей.
 „Мы болѣе не увидимся, — такъ мнѣ
 „сердце говоритъ; будучи лишены необ-
 „ходимыхъ вещей для продолженія горе-
 „стныхъ дней своихъ, мы ждемъ смерти
 „какъ послѣднюю опраду въ жизни, и мы
 „надѣемся скоро умереть голодною смер-
 „тію; насъ мучатъ; намъ не даютъ даже
 „пищи ежедневно. Ради самого Бога про-
 „шу васъ, взгляните на моего сына, и
 „на обрученную невѣсту Император-
 „скую, истощенныхъ голодомъ и болѣз-
 „нями, и неимѣющихъ сколько силъ,
 „чтобъ встать съ гнѣющей подъ ними
 „соломы. Не лишите, не откажите ска-
 „зать умирающимъ, что вы простили
 „ненавидѣть ихъ; проститесь съ ними;
 „не откажите сего горестнаго утѣше-
 „нія и получите отъ нихъ послѣднее
 „прощаніе.“

Княжна и Князь Меншиковы, при видѣ
 столь ужаснаго зрѣлища, не могли удер-
 жать слезъ своихъ. Княжна приклони-

лась, чѣмъ обнять Княжну Долгорукую и невѣстку Василія Лукича; сіи несчастныя только могли проливать слезы, кои текли по блѣднымъ лицамъ ихъ въ изобиліи. Силы столько оставили ихъ, что не въ состояніи они были сказать ни слова. Въ потухающихъ глазахъ можно было видѣть, сколько душа ихъ чувствовала благодарности къ тѣмъ, кои удостоили посѣщеніемъ враговъ своихъ.

Я не обещаюсь, сказалъ Меншиковъ Долгорукову, говорить за себя въ Споліцѣ, куда мы ѣдемъ; ты самъ довольно коротко знаешь Дворъ, чѣмъ не охуждашь меня за сію опроверженность; но, сказала Княжна брату своему, мы можемъ помочь имъ, пока небо сжалясь надъ ними и облегчитъ нѣсколько участь ихъ; мы можемъ доставить имъ помощь собственностію нашею. Я согласенъ, отвѣчалъ благородный Меншиковъ, и обратясь къ Долгорукову, продолжалъ: мы завтра упрямъ выѣдемъ, и вы можете, Василій Лукичъ, наслѣдовать во всемъ томъ, чѣмъ мы владѣли здѣсь. Нашъ домъ къ вашимъ услугамъ; онъ довольно покоенъ и снабженъ почти всѣми необходимыми

вещами; съѣстныхъ припасовъ на долго вамъ станешъ, и при хорошемъ присмотрѣ вы ни въ чемъ не будете нуждаться. Примите сей подарокъ съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ я и сестра моя даримъ вамъ. Прощайте, прощайте; будьте покойны и благополучны.

Приспавленный Офицеръ къ Меншиковымъ изъ грубіана сдѣлался почтеннымъ человекомъ; онъ выхвалялъ ихъ за обращеніе, за чувствительность и соболѣзнованіе къ гонимелямъ своимъ, и самъ лилъ слезы.

На другой день съ восходомъ солнца они отъѣхали. Желаніе, скорѣе подать помощь Долгорукимъ, было главнѣйшею причиною ихъ поспѣшнаго отъѣзда. Прежде нежели пустились они въ путь, пролили горячія слезы надъ прахомъ родителя и сестры. Въ короткое время приѣхали они въ Тобольскъ, гдѣ получили довольно значительную сумму денегъ, которыми снабдили себя нужными вещами, чѣмъ въ приличномъ видѣ достоинству ихъ предстать лицу Императрицы. Въ Тобольскѣ разыскивали, кому они

были обязаны помощію въ започеніи своемъ; но тщетны были ихъ поиски. Однако всѣ подозрѣвали того Офицера, который ѣхалъ изъ Камчатки; онъ боясь подпастъ гнѣву Двора, на всегда сохранилъ молчаніе.

Провѣзжая то мѣсто, гдѣ зарыто было гробъ родительницы ихъ Княгини Меншиковой, они остановились, и хотя не могли узнать того самого мѣста, гдѣ положены были останки добродѣтельной женщины, но съ большимъ усиліемъ могли ихъ посадить въ кареты; они рыдали, они рыли землю во многихъ мѣстахъ, чтобъ отыскать прахъ матери своей; на конецъ почти лишенные чувствъ пустились въ путь.

1731 года Княжна и Князь приѣхали въ Москву, гдѣ Дворъ тогда находился. Императрица Анна Иоанновна съ удовольствіемъ приняла ихъ и пожаловала Князя Капитанъ-Поручикомъ въ Гвардію; приказала также возвратить ему пятую часть опцовскаго имѣнія. Княжна Меншикова пожалована была Камеръ-Фрейлиною и выдана вскорѣ за Густава Бирона, брата Герцога Курляндскаго. Въ

приданое себѣ получила Княжна всѣ тѣ деньги, кои находились въ Банкахъ, Венеціи и Амстердамѣ. Говорятъ, что сумма превышала миліонъ рублей.

Недолго пользовалась мнимымъ счастьемъ своимъ; 1737 году скончалась, и конечно преселилась за добродѣтели свои въ лоно Божіе.

Разсказываютъ, что Княжна Меншикова до кончины своей сохранила то платье, какое она носила въ Березовѣ. Оно лежало въ особенной комнаѣ, куда она не рѣдко ходила воспоминаѣ жизнь несчастную свою и проливать поки слезъ о злополучной сестрѣ, о добродѣтельной матери и о почтеннѣйшемъ великомъ чловѣкѣ родицелѣ своемъ, Князѣ Меншиковѣ.

СВЯЩЕННИКЪ ВАСИЛЬКОВСКІЙ.

1 8 1 2 .

Возвышенный духъ, исполненіе должности своей, сущѣ качества достойныя похвалы въ свѣпскомъ чловѣкѣ, духовной же особѣ необходимы. Геройскія

чувствованія принадлежатъ воину, какъ думаютъ многіе; — нѣтъ, онѣ должны быть удѣломъ всѣхъ состояній, и даже нѣжнаго пола. Присутствіе разума всегда почтенно, а по тому Васильковскій, священникъ, при девятнадцатомъ Егерскомъ полку въ Корпусъ Генерала Докпорова, заслуживаетъ общаго вниманія и благодарности соотечественниковъ. Сей достойный и ревностный служитель вѣры во время бывшихъ сраженій при Малоярославцѣ и Вишербскѣ, неся предъ воинствомъ Святый Крестъ, явилъ твердость и мужество, и примѣромъ своимъ поселяя въ воиновъ вѣщую храбрость, поощрялъ ихъ на праведную брань, съ полною увѣренностію, что подѣ оскѣненіемъ честнаго и Живошворящаго Креста они прославятся побѣдою надъ врагами. На первомъ изъ сихъ сраженій священникъ Васильковскій раненъ пулею въ голову, а на другомъ въ ногу. За подвиги свои получилъ отъ Государя Императора, по предшательству мудраго Князя Смоленскаго, орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4 класса. Да берутъ примѣръ духовные съ Васильковскаго, по-

борспвоватъ за опчизну, когда предспо-
ипъ нужда, и пѣмъ докажупъ, чпо по-
спигаюпъ свое назначеніе.

ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

РУМЯНЦОВЪ

Съ Русскими при Кагуль 1770.

Визирь и Крымскій Ханъ съ многочисленною арміею разбили уже свой лагерь и расположились по лѣвую сторону устья рѣки *Кагула*, не далѣе семи верспъ опъ положенія Россіянъ. Генераль-Фельд-маршаль Графъ Румянцовъ проникнувъ намѣреніе непріятеля въ помъ, чпо когда Визирь наступипъ на него спереди, тогда Крымскій Ханъ не съ меньшими силами обляжетъ весь его пыль, съ равнымъ спремленіемъ. Плѣнные же подтвердили, чпо Румянцова догадки справедливы, и чпо Визирь и Крымскій Ханъ приугоповились произвести уже извѣспное Румянцову намѣреніе ихъ на другой день Іюля 2.

Графъ Румянцовъ хопя и имѣлъ только семнаццашь тысячъ войска *), но дознавши не разъ въ сіе лѣто, сколь много можетъ мужество Россіянъ, рѣшился разпоргнунъ пріуготовленныя на него съпи упредипельною съ своей стороны атакою непріятельской многочисленной арміи. По чему ночью на второе число Іюля 1770 года учредилъ онъ къ атакѣ непріятеля веспи свои войска слѣдующимъ образомъ: каждой дивизіи составилъ свой каре, имѣя изъ передней и задней линіи особливую колонну, и Артиллерію въ срединѣ оныхъ. Корпусу Генераль-Квартермистра Боура дѣлать передовое войско праваго крыла, а Корпусу Генераль-Порупчика Князя Репнина передовое же войско лѣваго крыла; полкамъ Кавалерійскимъ Его Высочества Наслѣдника и Нижегородскому между каре Князя Репнина и прешьей дивизіи; прочимъ команды Графа Салпыкова между первой и прешьей дивизіи, шеспи эскадронамъ

*) Знатная часть пѣхоты и кавалеріи была отдѣлена для прикрытія провіантскихъ обозовъ.

карабинернымъ подъ предводительствомъ Генераль-Маіора Князя Долгорукаго и Ахтырскому гусарскому полку между первой и второй дивизіи, Сербскому же Гусарскому между второй дивизіи и Корпуса Генераль-Квартермистра Боура, которому иппи по высотамъ ведущимъ къ непріятельскому лѣвому флангу, и атаковать оный, а за нимъ шедъ до дороги Траяновой, второй дивизіи Генераль-Поручика Племянникова, принявъ опшуда въ лѣво и атаковать параллельно съ онымъ также непріятельскій лѣвый флангъ. Первой и третьей дивизіи и корпусу Князя Репнина иппи по тремъ гребнямъ ведущимъ на непріятельскій лѣвый же флангъ и центръ, предположенные за предметъ опъ нашихъ атаки.

Симъ образомъ въ часъ по полуночи выступили всѣ войска изъ своего лагеря, опправивъ свои обозы въ построенный позади онаго Вагенбургъ, и продолжали походъ къ непріятельскому лагерю, въ которомъ, по фальшивой тревогѣ, минуть нѣсколько слышанъ былъ сильный ружейный огонь и пушечная пальба, и нѣсколько узбруенныхъ лошадей прибъ-

гали къ нашимъ. Всѣ пять частей арміи Россійской поспроились въ порядокъ къ бою, и въ ономъ на разсвѣтъ приблизились къ Траяновой дорогѣ. Коль скоро перешли оную, то непріятель обозрѣвши на себя наступленія нашихъ, показалъ имъ всѣ свои силы на высотахъ окружавшихъ его лагерь, и встрѣпилъ многочисленною конницею, копорой конца не видно было.

Графъ Румянцовъ открылъ пушечную пальбу изъ главной башарей, копорою Артиллеріи Генераль-Маіоръ Мелиссино скоро привелъ въ замѣшательство непріятели въ его лагерь, и шѣмъ болѣе, копорые въ лицѣ у нашихъ были; но въ то же самое время воспользовался непріятель глубокою ложиною, копорая была между гребнемъ, гдѣ первая дивизія проходила, и другимъ, гдѣ велъ свой каре Генераль - Поручикъ Графъ Брюсъ, и пробѣжалъ по оной даже въ пылъ нашихъ, снося по себѣ наихвосточайшіе выстрѣлы пушечные и ружейные, коими старались его одержать объ дивизіи. Сквозь густую дымъ опъ стрѣльбы происходившей во всѣхъ фасахъ сего каре, рав-

но и непріятельской по немъ, Генераль Фельдмаршалъ примѣня, чпо непріятель какъ въ той лощинѣ и за Траяновою дорогою задерживаясь, довольно могъ вредишь наше войско, немедленно приказалъ иппи впередъ и изъ каре опдѣлишь резервы пѣхоты и охотниковъ съ пушками и наступно вести ихъ на непріятеля, гдѣ онъ кучами держался, сказавъ между тѣмъ и всему каре принимашъ въ лѣво, чпобъ конницу Турецкую, забѣжавшую по той лощинѣ, опрѣзашъ. Сіе движеніе столько устрашило непріятеля, чпо оный подъ конецъ боясь бышь опрѣзанъ опъ своего лагерь, обрапился во всю лошадиную скачь съ крикомъ къ оному, провождаемъ будучи опъ нашихъ войскъ наижеспочайшею пушечною пальбою, копорая порывала въ густыхъ толпахъ великимъ числомъ всадниковъ; опъ чего воспрепепала и вся прочая Турецкая конница, нападавшая со всѣхъ споронъ на кареи Племянникова, Графа Брюса, Князя Репнина и Боура, и пустилась назадъ примѣромъ отраженной опъ каре Генераль-Аншефа Олица.

Такимъ образомъ сломивъ первое спремленіе непріятельское, бывъ въ непрерыв-

номъ огнѣ, съ 5 часа утра до 8, очистили войска наши пушъ и удвоили свои шаги къ непріятельскому лагерю, въ которомъ еще видѣли, что пѣхопа и конница имѣетъ смѣлостъ, къ себѣ нашихъ дожидаться. Не прежде, какъ въ мѣру прошивъ нашего движенія, непріятель открылъ большія свои батареи, дѣйствія которыхъ напряжены были наипаче на топъ каре, гдѣ Генераль-Фельдмаршалъ находился, и на идущій по правую сторону Генераль-Поручика Племянникова. Наши усугубили стрѣльбу и поспѣшили достигнуть къ репраншаменту, который сверхъ чаянія своего увидѣли въ одну ночь обширно сдѣланнымъ, съ пройными глубокими рвами, и послѣдніе, наполненные янычарами.

Не смотря на многочисленную непріятельскую Артиллерію, осыпавшую нашихъ ядрами и картечами, Артиллерія Россіянъ брала верхъ, и батареи Турокъ приводила въ молчаніе; въ сіе самое время, болѣе десяти тысячъ янычаръ, вышедъ изъ своего репраншаменту, непримѣтно опустились въ лощину, примыкавшую къ ихъ лѣвому крылу, близъ ко-

порой шелъ съ своимъ кареемъ Генераль-Поруччикъ Племянниковъ, и только что съ онымъ гоповъ былъ овладѣть ретраншаментомъ, какъ янычары внезапно выскочивъ изъ лощины, и на сабляхъ полною ударили на правой фасъ того каре, и въ самой уголъ онаго, который составляли пѣхотные, Аспраханской и первой Московской полки. Едва плупонгъ Аспраханскаго полку могъ выспрѣлится, то янычары смявъ его, одни ворвались внутрь каре, а другіе пошли вдоль праваго фаса, и своею превосходною силою замѣшали и другіе полки того каре, и пригнали къ каре Генерала Олица, предъ которымъ и сквозь онаго промчались съ великою яростию толпа янычаръ и ихъ знаменосцы.

Въ семъ случаѣ Генераль-Фельдмаршалъ имѣлъ счастье, однимъ словомъ: *Стой*, удержавъ своихъ опсступающихъ, и ободривъ къ отраженію непріятеля, ударивъ при томъ наихвосточае изъ своихъ батальоновъ по янычарамъ, которые безъ сего дѣйствія могли бы уже коснуться его каре; гдѣ первый Гренадерскій полкъ, внимая повелѣнію Главнокомандующаго, весь

✱

ма храбро ударилъ на все стремленіе не-
пріятельское, и оное сокрушилъ бодрымъ
духомъ и опважною рукою; къ чему спо-
спѣшникомъ ему былъ начальникъ онаго
бригадиръ Озеровъ. Ихъ штыки и пуш-
ки, шупъ случившіяся, въ одинъ почи-
мигъ все дѣло рѣшили, и съ удивительною
скоростию и послушаніемъ построенный
опять каре Генераль-Порупчика Племян-
никова, воскликнувъ единодушно: *да*
здравствуетъ Е к а т е р и н а, шель впередъ.
Не теряя времени, послалъ Генераль-Фельд-
маршалъ на сію дерзкую пѣхоту, свою
тяжелую кавалерію, съ которою, съ од-
ной стороны Генераль-Порупчикъ Графъ
Салтыковъ, съ другой Генераль-Маіоръ
Князь Долгоруковъ, пробившись, рубили
оную, и силою вообщѣ огненнаго и бѣла-
го оружія великую часть янычаръ поло-
жили на мѣстѣ, а остальныхъ предали
бѣгству, и въ ретраншаментъ попомъ во-
шли какъ оба первые каре, такъ и при-
спѣвшіе къ тому времени Графъ Брюсъ,
а съ лѣваго Генераль-Квартермистръ Бо-
уръ, производя пушечную пальбу, пока
непріятель держался въ немъ.

Визирь увидя лучшихъ своихъ янычаръ, сославляющихъ первую спѣну, падшихъ, во всю мочь побѣжалъ изъ лагеря со всѣми своими войсками; а при вступленіи Генераль-Фельдмаршала, отдѣленный отъ Корпуса Генераль-Квартермистра Боура, Подполковникъ Графъ Воронцовъ, съ баталіономъ своимъ взошедъ съ лѣвой стороны въ непріятельской ретраншаментъ, и сопротивляющихся въ немъ янычаръ истребилъ, занялъ въ той части бапарей, и отбилъ у Турокъ нѣсколько знаменъ.

Генераль-Поручикъ Князь Репнинъ со своимъ корпусомъ въ продолженіи сего времени захватывалъ сколь возможно было обращеннаго въ бѣгъ непріятеля, который видя свой великой уронъ, бросилъ весь обозъ и побѣжалъ толпами во всѣ ноги къ сторонѣ Дуная, гдѣ было до трехъ сотъ судовъ большихъ, копоры послужили къ его небезбѣдственной переправѣ. Послѣ сего Россіяне завладѣли всѣмъ Турецкимъ лагеремъ; получили въ добычу всю Артиллерію, состоящую изъ сна сорока хорошихъ орудій, на лафетахъ и со всѣми къ тому

Артиллерійскими запасами. Посреди сего изобильнаго лагеря прошедши въ порядкъ, преслѣдовали непріятеля верстѣ до чешырехъ, а далѣе иппи за нимъ усталость солдатъ не позволила, по тому что вели они непрерывной и жестокой бой съ начала пятаго до половины десятаго часа утра, въ копорой совершили уже наши побѣду.

Въ семъ жестокомъ сраженіи, къ удивленію, съ нашей стороны убиты только три Оберъ-Офицера: Аспраханскаго пѣхотнаго полку Капитанъ Александръ Купузовъ, Рязанскаго карабинернаго Поручикъ Пётръ Долговосабуровъ, и перваго Московскаго полку Адъютантъ Сергѣй Копыловъ, унперъ-офицеровъ и рядовыхъ не болѣе 350 человекъ; раненыхъ Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и рядовыхъ около 600 человекъ.

Непріятельскій уронъ по донесенію Графа Румянцова соспоялъ болѣе нежели изъ 20 тысячъ человекъ, но по словамъ плѣнныхъ около 40 тысячъ; короче сказать: верстѣ на семь лежали кучами убитыя тѣла. Намъ доспались при берегахъ Дунайскихъ и при Измаилѣ 56 знаменъ, два

бунчука, орудій 203. Армія Визирьская соспояла по досповѣрнымъ извѣстіямъ изъ 50 тысячъ пѣхоты и сша тысячъ конницы.

Главнокомандующій отдавалъ справедливоспъ въ исполненіи его приказаній всѣмъ Генераламъ; „прочіе же всѣ чины,“ доносилъ Графъ Румянцовъ Е к а т е р и н ѣ Великой, „не пребуюпъ моей похвалы; „дѣла ихъ, когда они величайшія силы „непріятеля сокрушили полъ малымъ числомъ, наилучшимъ супъ доводомъ, какъ „они храбры, сколь усердны къ повелѣніямъ своей Монархини и сколько симъ „подвигомъ учиняютъ себя доспойными „Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Материнскаго къ нимъ благоволенія. Къ ихъ славѣ присоединю я шу „только истину, чпо я прошелъ все пространство степей до береговъ Дунайскихъ предъ непріятелемъ, не дѣлая ни „гдѣ полевыхъ укрѣпленій, а поспавляя „одно мужество и добрую ихъ волю во „всякомъ мѣспѣ за непреоборимую стѣну.“

Велики были подвиги Румянцова во все время войны съ Турками, но велики были

и милости Екатерины II, излиянные на него 1775 года въ торжество мира съ Османскою Портою при Кучукъ-Кайнарджи *). Графъ Румянцовъ получилъ наименованіе Задунайскаго и грамошу, съ прописаніемъ его службы, повелительный Фельдмаршальскій жезлъ, или булаву, алмазами украшенный, шпагу алмазами же обложенную, лавровый вѣнокъ, масличную вѣпьвь, крестъ и звѣзду Ордена святаго Апостола Андрея осыпанные алмазами, медаль съ его изображеніемъ, пять тысячъ душъ въ Бѣлоруссіи, сто тысячъ рублей для поспроенія дома, серебряный столовый сервизъ и на убранство дома лучшія оригинальныя картины.

*) 1774 года Іюля 10 дня.

РУССКІЕ ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ГЕ-
РОЯ ГРАФА ВИТГЕНШТЕЙНА, СПАСИ-
ТЕЛЯ ПЕТРОВА ГРАДА, 1812.

I.

Доблесть душевная, благородныя дѣла, великіе подвиги, основою имѣють швердосць духа. Надѣюсь, никто не будетъ оспаривать меня въ сей истиннѣ, утвержденной вѣками; а по тому не одно мужество прошивъ врага сопровождается швердосцію духа, но каждый возвышенный поступокъ не разлученъ съ онымъ. Такимъ образомъ утверждаясь въ мысляхъ, передаю попомству слѣдующее:—Послѣ одной побѣды (кто ихъ всѣхъ упомянуть ?) одержанной Героемъ Графомъ Витгенштейномъ надъ Французами, Русскіе храбрые солдаты сидятъ уже вкругъ горячихъ щей съ говядиной; а тамъ не вдалекѣ, взвивается къ облакамъ паръ отъ кипящей кашицы. Въ сіе время ведутъ плѣнныхъ Французовъ; они пощѣ, блѣдныя, насилу ноги переставляютъ; но лишь взвидѣли несчастныя человѣческую пищу, вперили глаза полумертвыя отъ голода

на оную. Тогда нѣсколько Русскихъ солдатъ, оставя ложки, вспали, говорящъ поварищамъ: „Ребяша! чпо намъ споипъ, „день не поѣспъ! успупимъ наше горячее „бѣднымъ, плѣннымъ Французамъ; вѣдь „они поже люди, не ѣли, какъ мы сами „знаемъ, много дней, а можетъ бытъ „только по приказу Бонапарте злодѣй- „спвуютъ.“ Вдругъ всѣ вспали, и плѣн- ные Французы бросились ѣспъ, и въ по- же время не могли скрытъ своего удив- ленія, видя великодушіе Русскихъ вои- новъ, и досады, чпо адское изчадіе Бо- напарте, злодѣй вселенныя, заспавляетъ ихъ драпъся съ великимъ народомъ Рус- скимъ.

2.

Когда побѣдоносный Графъ Вишген- шпейнъ, чпобъ скорѣе и вѣрнѣе разбиетъ Французовъ, велѣлъ нѣсколько опспу- пить войску; седьмая дружина С. Пе- тербургскаго Ополченія, вся громогласно закричала: нѣтъ! не поидемъ назадъ! мы клялись Государю нашему въ Пите- рѣ передъ Богомъ, все иппи впередъ,

умереть за вѣру, за Него и за родину
свою, или побѣдишь!

3.

Когда безспрашный Графъ Випген-
штейнъ велѣлъ одной дружинѣ дѣлать мо-
сты, рапники принялись съ послушані-
емъ за работу; но лишь услышали паль-
бу, и узнали, что лепучія и передовыя
войска вступили въ бой; закинули ихъ ре-
шивыя сердца, безъ позволенія оставя
попоры и схватя ружья, начали рабо-
тать штыками; и поразя враговъ, опять
принялись за попоры, какъ бы ничѣмъ
не опличились.

КУЗЬМИНЪ

при

ЕКАТЕРИНЪ ІІ,

1788 года.

Надѣясь на благосклонность чипателя, я, чпобъ описать подвиги Маіора Кузьмина, обращаюсь къ юнымъ нашимъ воинамъ, и говорю, не какъ наставникъ, но какъ другъ: сыны доблести! не довольно имѣть пвердосць духа только предъ непріятелемъ. Нѣтъ! бывають случаи, гдѣ еще болѣе нужна воину пвердосць, и можетъ быть несравненно чеспнѣе, на примѣръ, въ военныхъ совѣтахъ и во время такого разсужденія, отъ котораго спасеніе города, части войска, а иногда и цѣлой арміи зависить. Также въ собраніи прусовъ, надобно быть пвердому, рѣшительному и великаго духа человеку, чпобъ спасти Государство отъ посрамленія, въ которое могутъ его привести худые ихъ совѣты и малодушіе. Кто изъ васъ при воспитаніи не слыхалъ, кто изъ васъ не читалъ въ Римской исторіи,

быстрые походы Аннибала, которому ничто прошивоспашь не могло? Онъ изъ Африки переправляется въ Испанію, безъ уснпалости переходитъ Пиринейскія и Алпійскія горы, вездѣ вспрѣчаетъ сотни тысячъ враговъ, вездѣ сражается съ Римлянами и вездѣ бьетъ всѣхъ. Знамениныя побѣды, одержанныя имъ при Тесинскомъ проходѣ, при Тразименскомъ озерѣ, при рѣкѣ Требіи, поколебали силы и могущество Римское; но чепвертое кровопролитное сраженіе при Каннахъ, положило на мѣстѣ битвы болѣе 40 тысячъ Римлянъ, и приблизило къ совершенному паденію Римскую, дополъ славную Республику. — Аннибалъ поржесествовалъ; въ Римѣ всѣ уныли; всѣхъ объялъ спрахъ, опчаяніе; вопль всѣхъ состояній и возрасповъ повпорялся въ окрестностяхъ и лишалъ всякой надежды, поднятъ преклоненныя выи, не смопря, что Сенаторы не потеряли своего мужества, ободряли всѣхъ; но пораженные несчастіемъ Римляне бросали оружіе, и скрывались въ домахъ своихъ и лѣсахъ, оплакиватъ плѣнь свой. Уже нѣсколько изъ первыхъ гражданъ собрались къ нѣкоторому Мешеллу

и положили на совѣтъ оспавити Римъ и Италію; другіе даже хотѣли сдаться побѣдоноснымъ Карфагенянамъ, открыши врага Рима и преклонити колѣна предъ Аннибаломъ; какъ вдругъ вбѣгаетъ въ собраніе съ обнаженнымъ мечемъ двадцатилѣтній Сципіонъ, обращаетъ рѣчь къ забывшимъ должность свою „Я знаю причину вашего собранія, но я клянусь Богами, клянусь симъ мечемъ, что не оставлю никогда Опечесство, и не поущу, чтобы кто-нибудь изъ Римскихъ согражданъ оставилъ его; клянитесь предъ мечемъ моимъ, что не пощадите послѣдней капли крови своей ради спасенія Опечесства.“ Клялись, Сеназоры воспользовались симъ случаемъ, и Римъ спасенъ, и Сципіонъ живъ въ попомствѣ. Кто же изъ васъ, друзья мои, въ подобномъ случаѣ не захочетъ быть Сципіономъ?

1788 года, въ царствованіе Великой Екатерины, Шведы съ сильнымъ корпусомъ окружили Нейшлотъ. Начальникъ Шведовъ посылаетъ сказать Коменданту, чтобы онъ сдалъ крѣпость, не въ силахъ будучи съ малымъ числомъ оборонять оную. Храбрый, сѣдовласый Комен-

данпѣ Маіорѣ Кузьминѣ отвѣчаетъ посланному: „Скажи своему Генералу, что я „въ первую Турецкую войну, защищая „Опечество, поперялъ лѣвую руку, готовъ „нынѣ съ мечемъ поперяю и другую, и „съ нею положилъ жизнь свою, нежели „поспѣднымъ образомъ сдаться.“ Сіи слова ободрили осажденныхъ, отраженіе было сильно, и непріятель по многимъ усиліямъ принужденъ былъ отступитъ со стыдомъ; и такъ твердость духа мужественнаго Кузьмина, къ спасу употребленная, спасла Нейшлотъ, и прибавила еще одного Героя къ числу многихъ.

Многіе рассказывали мнѣ, что Кузьминъ отвѣчалъ: „я бы радъ отворить ворота „Нейшлотскія, да только у меня и есть „правая рука, а въ оной мечъ для защи- „щенія ввѣренной мнѣ крѣпости.“

ГЕРОИ РУССКІЕ, ПОДЪ ПРЕДВОДИ-
ТЕЛЬСТВОМЪ СЛАВНАГО И БЕЗСТРАШ-
НАГО КНЯЗЯ БАГРАТІОНА, 1812.

І.

АНДРІЯНОВЪ

при Бородинѣ.

О! великой народъ Русской! ты конечно превзошелъ всѣ народы, по своей любви къ родимой сторонѣ, по любви къ славѣ Опечества, и по особенной приверженности къ своему Государю.

Екаперинославскаго Кирасирскаго полку унтеръ-офицеръ Андріановъ, въ день кровопролитнаго и славнаго для Россіи Бородинскаго боя, находился при лицѣ неустрашимаго, мужественнаго Князя Багратіона, и хотя былъ вездѣ, гдѣ смерть перелепала изъ ряда въ рядъ, но по долгу своему возилъ за Княземъ зрительную трубу, Географическія карты и проч. и даже виду не показывалъ, что хочетъ сражаться; но когда храбрый Андріановъ увидѣлъ безспрашнаго Багратіона крѣпко

раненаго, когда увидѣлъ, что Князя
гопповы были везли назадъ съ поля бит-
вы, смѣло подошелъ къ любимому солда-
тами полководцу, и выпянувшись, ска-
залъ: „Ваше Сіяшельство! полкъ нашъ два
раза былъ въ атакѣ, Васъ везушъ лѣчишъ;
позвольте мнѣ поравняться съ товарища-
ми; я надѣюсь изрубить нѣсколько фран-
цузовъ. Неуспрашимый военачальникъ
позволилъ, и Андріановъ въ виду ты-
сячей, какъ стрѣла пущилъ, врѣзался
въ ряды враговъ, перебилъ многихъ, и
паль мертвъ, на полѣ чести.

2.

N. N.

при Салтановкѣ.

Кому не извѣстенъ Кинигиръ, попъ
Грекъ, которъй бросился съ берега,
чтобъ остановить Персидскую галеру,
схватя оную рукою; руку опрубили, онъ
схватилъ другою; опрубили и другую,
онъ схватилъ зубами — и лишился го-
ловы! Чипая о Кинигиръ — конечно у-
дивляемся подвигу его; но Подпавскаго
полку унтеръ-офицеръ N. N. болѣе про-
фаетъ мою душу. У него въ жаркомъ
сраженіи при Салтановкѣ, оторвало да-

ромъ руку; онъ подошедъ къ ней, поднялъ и вышелъ съ поля сраженія, съ равнодушіемъ. Проходя мимо Князя Баграціона и спавъ во фронтъ, сказалъ: здравія желаю Вашему Сіяпельспиву! Когда же спали вынимають у него изъ плеча ospальныя кости, онъ охнулъ. — Лѣкаръ упрекнулъ ему; уншеръ-офицеръ отвѣчалъ: не думаете ли вы, что я охаю о рукѣ, или оспъ несперпимой боли? оспрѣжте другую, я не поморщусь; а охаю я о Россіи, о моей родимой споронѣ, и что не могу болѣе, на долго служить моему Государю.

ПРЕКРАСНАЯ БАРСУКОВА.

и

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Уптверждено вѣками, что человекъ, повелѣвающій спраспями своими, еспъ великій человекъ. Мы чипаемъ доказапельспва добродѣтели сей въ испоріи Петра Великаго; но нижеслѣдующія сппроки уптвердятъ насъ въ ономъ.

Петръ Первый часто ѣзжалъ къ работамъ Ладожскаго канала, и обыкновенно ospанавливался въ спарой Ладогѣ у куп-

да Барсукова, котораго любилъ за рас-
шоропноснѣ, честноснѣ и усердіе къ
Себѣ и Опечеснѣ, и удосноилъ его на-
зывать даже на бумагѣ брапомъ. Ему
Государь поручилъ смотрѣніе одной
части канала; онъ же причиною, что куп-
цы переселились изъ Спарой въ Новую
Ладогу.

Барсуковъ имѣлъ въ домѣ своемъ особ-
ливой покой для Монарха. Государь
сіе знавъ, когда случилось ему прѣхашъ
ночью, и хозяинъ уже спитъ, то онъ
оспанавливался у ворошъ; входилъ на
дворъ тихо, дабы не разбудитъ его; и
Барсуковъ ушромъ узнавъ, что импе-
раторъ ночевалъ у него, просилъ у Его
Величества извиненія, что не вспрѣ-
шилъ его. На сіе Монархъ опвѣспво-
валъ: Я не люблю, когда Меня кто раз-
будитъ; такъ долженъ судитъ, что не-
пріятно сіе и другому; за чѣмъ же Мнѣ
безъ нужды беспокоитъ тебѣя?

Барсуковъ имѣлъ жену молодую, пре-
красную, веселаго, живаго свойства, ум-
ную и добродѣтельную. За всѣ сіи до-
стоинства Императоръ любилъ ее и
тѣмъ отдавалъ справедливоснѣ ея даро-
ваніямъ. Красавица при томъ умѣла уго-

ждать Государю споломъ, умными разговорами, острыми шулками, и чрезъ сіе получила и она названіе невѣспки.

Однажды Монархъ притхавъ въ глубокую полночь, узнавъ, что хозяйка одна дома и спитъ уже . . . прошелъ тихонько въ свой покой и заснулъ. Утромъ хозяйка проснувшись, и узнавъ, что у нее въ домѣ ночевалъ, пришла къ Монарху, когда еще у него не было никого; поздравя Его Величество съ благополучнымъ прибытіемъ, спрашивала, что угодно приказать приготовить къ обѣду?

Великій Государь разговаривая съ нею съ удовольствіемъ на единѣ, хотѣлъ ли испытать добродѣтель ея, или въ самомъ дѣлѣ плѣнясь ея милыми пріятностями, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ сдѣлалъ ей непозволительное предложеніе; но какъ былъ удивленъ Монархъ Сѣвера отвѣтомъ прекрасной! она перемѣня видъ свой на суровой, съ открытымъ непорочнымъ лицемъ, съ презрѣніемъ отвергла поспѣданное ея полу предложеніе, присовокупя: „Я никакъ не воображала, чтобъ Государь, долженствующій Собою подавать примѣръ добродѣтели подданнымъ, сдѣлалъ могъ столь порочное предложе-

„ніе; развѣ для того Вы назвали мужа
 „моего братомъ, чѣмъ опмятъ честь
 „жены его!“ Сказаеъ сіи слова, хопѣла
 наполненная досады выпши; Монархъ
 удержавъ ее, пораженный добродѣтелию
 купеческой жены, сказалъ: спасибо, не
 вѣспка, чѣмъ ты такова; Я хопѣлъ испы-
 тать твою добродѣтель и честность
 съ удовольствіемъ однако вижу, чѣмъ не
 обманулся въ тебѣ. Императоръ сдер-
 жалъ свое слово, и обращался съ нею
 впредь съ большимъ уваженіемъ.

Петръ Великій человекъ былъ, а
 по тому вѣрно почувствовалъ спрасть
 къ прекрасной; но духъ хранишь его
 удержалъ, и далъ дѣлу оборотъ досто-
 инъ Петра.

Лукрецію всѣ знаютъ, а купеческая
 жена Барсукова мало кому извѣстна; но
 гений добродѣтели возвѣспилъ нѣкто-
 рымъ и возвѣспилъ непорочность, по
 достойную подражанія. Умѣлъ взглядомъ
 однимъ удержать огнь порока и возвра-
 тить къ добродѣтели, и Кого? по моему
 мнѣнію больше нежели заколотся.

П Р И Б А В Л Е Н І Е.

Описавъ великой подвигъ Энгельгарда, не могъ по сіе время получитьъ свѣдѣнія, о славной кончинѣ Шубина; чинапели будупъ душевно довольны, прочишавъ въ слѣдующихъ спрокахъ Указъ Всемило-спивѣйшаго нашего Императора АЛЕКСАНДРА I о сихъ двухъ безсмерпныхъ мужахъ.

Указъ Правительствующему Се-
нату.

По изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи дошло до свѣдѣнія МОЕГО, что помѣщики Смоленской Губерніи, Подполковникъ Павелъ Энгельгардъ и Коллежскій Ассессоръ Шубинъ, содѣйствовавшіе из-пребленію врага въ мѣспахъ своего жительства, захвачены были въ послѣдствіи Французами, занимавшими тогда городъ Смоленскъ, и сколько за патриотическій подвигъ сей, сколько и за непреклонность вступитъ въ должності, предложенныя имъ, и нарушитъ обязанность свою къ Отечеству, подвержены щоремному заключенію и на конецъ суду.

Злощасіе, ихъ постигшее, не сильно было среди всѣхъ опасностей тогдашняго времени побудило ихъ принять льстивыя обѣщанія непріятеля, и они съ твердостью духа, Россіянину свойственною, предпочли смерть измѣнѣ своему Государству.

Все сіе подтверждено и Сенаторомъ Каверинымъ, имѣвшимъ порученіе отъ МЕНЯ развѣдать подробнѣе обстоятельства, сопровождавшія судьбу упомянутыхъ чиновниковъ, и описать настоящее положеніе семействъ, по смерти ихъ оставшихся.

Удостоверяясь въ истиннѣ, Явощаю воздаю справедливый долгъ симъ усерднымъ сынамъ Опечества, при бѣдномъ состояніи непрельстившимся на искушеніе непріятельское, пребывшимъ непоколебимыми въ привязанности къ Государству своему и пожертвовавшимъ жизнью за вѣру и вѣрность. И по тому оставшемуся послѣ нихъ семейству опредѣляю по смерти нижеслѣдующій пенсіонъ каждогодно:

Подполковника Энгельгарда брату Капитану Ивану Энгельгарду по шести пы-

сячь рублей, племяннику Порупчику. Петру Энгельгарду по три тысячи рублей, и малолѣтней племянницѣ, рожденной отъ сестры его Губиной, по три тысячи рублей. Коллежскаго Ассессора Шубина женѣ по девяти тысячъ рублей, матери по шести тысячъ рублей, и двумъ сестрамъ, двѣмъ, по три тысячи рублей каждой.

Грависельствующему Сенату повелѣваю предписать о производствѣ пенсіоновъ сихъ Министру Финансовъ, а о извѣщеніи помянутыхъ наследниковъ Энгельгарда и Шубина гражданскому начальству.

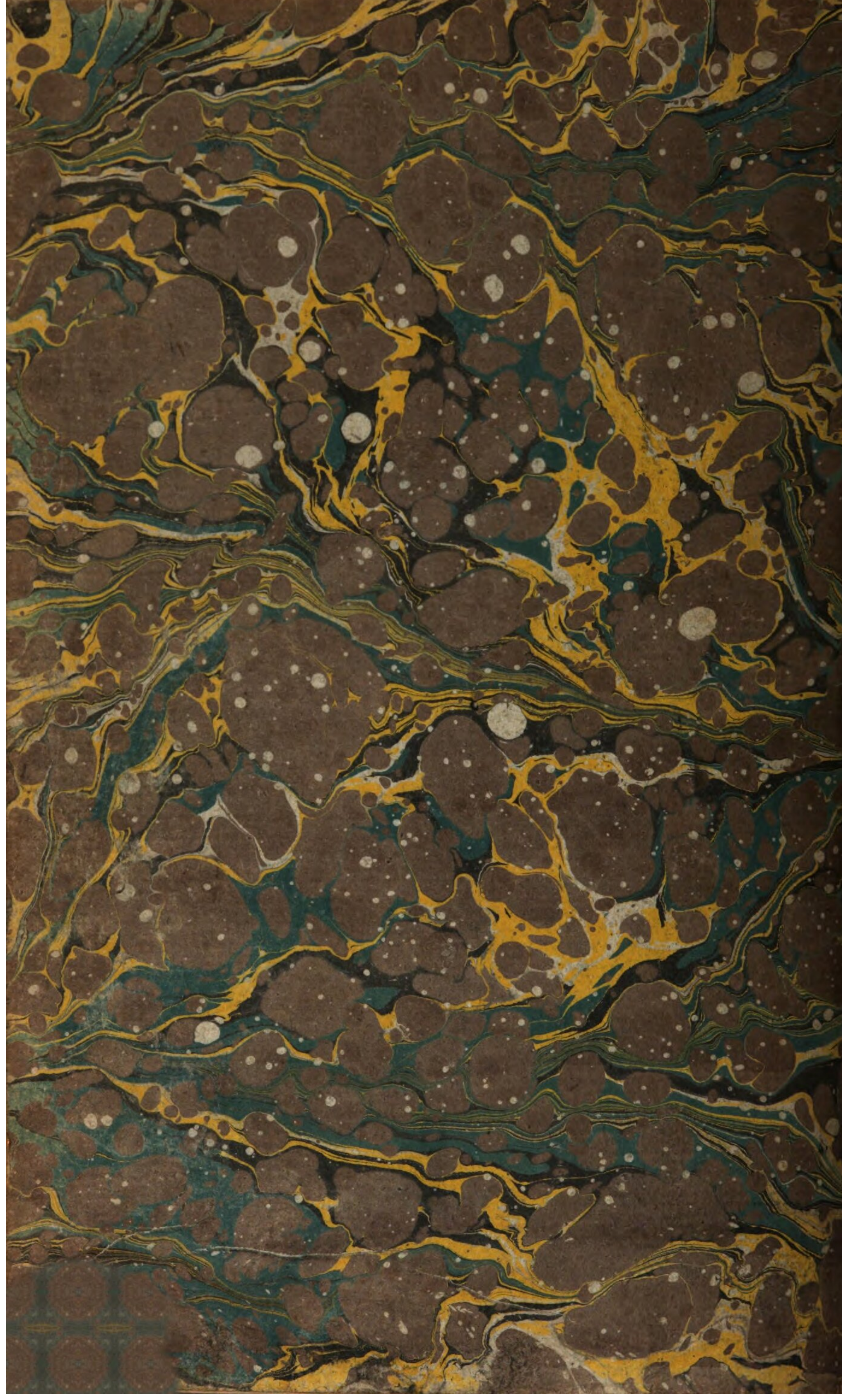
Г. Теплицъ.

Августа 30 1813.

Конецъ II части.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

High

Gerakov, Gavriil Vasil'evič,

Tverdost ducha russkich

Bd.: 2. (1813). - 168 S.

Petrograd 1813

Russ. 289 I-2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10784150-3